

Татяна
ТРОНИНА

Бабочка на ладони

*истории
любви*

Татьяна Михайловна Тренина

Бабочка на ладони

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180954*

*Бабочка на ладони: Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-34707-0*

Аннотация

Марта – хрупкая, словно бабочка. Опалив крылья в пламени первой любви, она запрещает себе быть красивой, любимой, желанной... Она погибает среди снегов равнодушия и лжи. Только новая любовь может дать ей силы. Но сможет ли она полюбить после стольких лет глубокой заморозки? Возможно, этот странный мужчина по имени Иван, который называет себя агентом по делам экономической безопасности, послан ей судьбой? Но можно ли ему вообще верить?..

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

94

Татьяна Тренина

Бабочка на ладони

*Была у зайца избушка лубяная, а у лисы –
ледяная...*

Русская народная сказка

В этом романе нет ни слова правды.

Автор

* * *

–...ты прикинь, Марта Витальевна, что творится-то... Не иначе как мир к катастрофе движется. Мишку нашего уперли! – трагично вздохнул Сан Саныч.

– Кхе-кхе... Какого Мишку? – опешила Марта. – Человека?

На ум ей пришел только Андронов, Михаил Александрович, экономист второй категории, немолодой вялый мужчина, работающий в соседней комнате. Неужели его похитили? Только вот кому мог понадобиться Андронов? У него ведь, кроме хронического гастрита, ничего и не было...

– Типун тебе на язык... – процедил Сан Саныч – он любил, чтобы подчиненные понимали его с полуслова. – Да медведя, медведя из зоны рекреации!

Еще Сан Саныч любил «умные» слова, заковыристые обороты и прочие канцеляризмы. Обычный задний двор – с дорожками, клумбами, лавочками и урнами-пепельницами – он называл «зоной рекреации». В выходные Сан Саныч не отдыхал, а «восстанавливал силы». И не на даче, а на «приусадебном участке». Не обедал, а «принимал пищу». Свою жену Анну Марковну называл за глаза не иначе, как «законной супругой», а если Анна Марковна накануне чем-то не угодила ему, то Сан Саныч жестко обозначал ее как «Лернейскую гидру» или просто – «гидру». Например: «А моя-то гидра вчера такую конфронтацию устроила...»

– Медведя? А, медведя! – наконец догадалась Марта. Задний дворик украшала скульптура медведя, сделанная из металла. И эту скульптуру украли, оказывается!

– Ну да, ну да, мишку нашего... – В уголках черных глаз Сан Саныча что-то блеснуло, словно он собирался пустить слезу.

– Не может быть, – хриплым басом произнесла Марта. (Когда она переставала следить за своим голосом, то всегда говорила басом.) У нее возникло чувство, что Сан Саныч врет. Вернее, это чувство ее никогда не покидало. Ее начальник, человек осторожный и расчетливый (из бывших военных), не был искренним никогда и ни с кем. Типичный царедворец. Только вот какой смысл разыгрывать спектакль перед Мартой, полностью зависящей от его воли?

– Это еще почему не может? – вскинулся Сан Саныч, сразу

передумав пускать слезу.

– Он же полтонны весит, не меньше!

– Здравсте!.. Девяносто кило, ровно. Я акт приемки как сейчас помню! Он же полый внутри, мишка наш... был...

Сан Саныч никому не давал повода усомниться в том, что он, как начальник ОХО (отдела хозяйственного обеспечения), а попросту – завхоз, знает все, что ему подотчетно, до грамма и миллиметра.

– Это ерунда... Не могли его украсть!

– Ой, да не ори ты так! Вот голосище-то бог дал... Как у портового грузчика. Его украли. Де-факто.

– Кому он нужен?

– Нужен. Он, между прочим, произведение искусства.

– Что?!

– Что слышала. Труба иерихонская! Бери свою верхнюю одежду, идем место преступления обследовать. Да, и блокнот с ручкой захвати на всякий случай!

Марта выхватила из шкафа куртку и затопала вслед за Сан Санычем. Блокнот с ручкой у нее и так всегда лежал в кармане свитера.

По дороге Сан Саныч жаловался всем сотрудникам, какое горе постигло их учреждение. Через полчаса весь отдел (экономисты, водители, электрики, сантехники, бригада мойщиков-уборщиков) уже был в курсе происшествия.

Марта послушно тащилась за Сан Санычем. Она являлась его секретаршей, или – на казенном языке – «помощницей

начальника отдела хозяйственного обеспечения».

Сотрудники ужасались произошедшему. Во-первых, насколько люди совесть потеряли, что воруют прямо в госучреждениях, а во-вторых, железный Потапыч очень оживлял сухую обстановку этого самого госучреждения. Он был почти родным.

Мишку втиснули на задний дворик, между клумб и урн, совсем недавно, этим летом. Много шутили тогда: медведь – это и символ, и намек, и эмблема, и прямая отсылка, и еще много чего... Кроме того, и сама скульптура была сделана не без юмора – косолапый стоял на задних лапах, растопырив передние – словно то ли клянчил чего-то, то ли собирался напасть. Ему постоянно натягивали на уши кепки, а на лапы вешали то сумки, то пакеты, то шарфы...

Этим же летом приказом Главного (руководителя федеральной службы Лямперта Игоря Петровича) по всему учреждению запретили курить. Низя, и точка. А кто хочет курить, пусть идет на задний двор и портит себе здоровье на свежем воздухе. Скульптура стала необычайно популярна. Народ к ней потянулся. Так и говорили, когда хотели выйти покурить: «Мишку навестим?»

– Может, его не украли, а убрали? – уныло предположил экономист Андронов, неохотно оторвавшись от бесконечных столбцов цифр на мониторе.

– Как это? – дернулся Сан Саныч.

– Ну-у, типа почистить его надо, отреставрировать... Или

передвинуть его в другое место кто решил...

Андронов как будто тоже хитрил. Изображал заинтересованность. А на самом деле ему было глубоко на все наплевать. Да пусть хоть мир провалится в тартарары, лишь бы его, экономиста второй категории, не трогали!

– Кто? Не поставив меня в известность?! И куда?

– Ну-у, мало ли... – уныло протянул Андронов.

– Ты скажешь, Михал Александрыч! Без моего прямого распоряжения вещи двигать нельзя! – жестко напомнил завхоз.

Марта откровенно томила. Ей надо было разнести по кабинетам кучу канцелярских принадлежностей, составить несколько заявок на покупку энергосберегающих ламп, позвонить в службу ремонта (кулер на пятом этаже не работал) – и еще много чего. Но вместо этого приходилось таскаться за Сан Санычем. Сан Саныч без свиты не ходил (считал несолидным). Впрочем, были и плюсы в ее работе – после шести вечера Марту никто не стал бы задерживать. Все сотрудники дружно разбежались ровно в шесть, за исключением очень, очень редких случаев. Форс-мажора, так сказать...

Это ведь не какая-нибудь буржуинская частная лавочка, в которой если не сделаешь дело к сроку – выгонят. Это государственное учреждение, строго соблюдающее законы об охране труда!

И внешний вид секретарей здесь тоже не имел особого значения. Фотомodelью быть не обязательно. А вот Сан Са-

ныч любил женский пол, несмотря на свои пятьдесят восемь лет и наличие законной супруги. Поэтому кадровик, когда в декрет уволилась предыдущая секретарша завхоза, мудро нанял на ее место Марту. По принципу – чем хуже, тем лучше.

Вот уж Мартина внешность никак не могла помешать рабочему процессу! Марта ничем не напоминала фотомоделю. Кроме разве что роста. Рост у Марты был высокий – метр восемьдесят. Фигура?.. (Гм, «фигура» – это сильно сказано!) Конечно, до ожирения Марте было далеко, но стройной ее тоже никто не мог назвать. Опять же, сорок первый размер ноги (!!!). Невозможность носить каблуки (и так выше всех!). Невозможность купить нормальную одежду – брюки всегда коротки, рукава вечно заканчиваются на локте. Талия – железно не на месте. Приходилось покупать мужские брюки (рост подходил) и мужскую обувь. Безразмерные балахоны-свитера. Конечно, можно было найти и более красивую одежду, но для того требовалось свободное время и деньги. Ни того, ни другого у Марты не было. А главное – не было желания.

Какой смысл наряжаться? Все равно рост и размер ноги не скроешь...

Единственное, чем могла Марта похвастаться, – это волосы. Темно-каштановые, густые, чуть выющиеся. Длинные (экономно и практично, не надо тратить деньги на парикмахерскую). Перетянула сзади резинкой (ни одна заколка не

подходила, все ломались) – и вперед. Когда-то давно Марта пыталась стричься. Но все ее попытки сделать хорошую, красивую стрижку заканчивались неудачей – она становилась похожей на негритянку... пардон, на афроамериканку. Волосы не слушались выпрямляющих утюжков и торчали нибом – во все стороны. Хоть флакон разглаживающего геля изведи – все равно не поможет.

Время от времени кто-то из коллег-женщин, начитавшись модных журналов и наслушавшись популярных дамских ток-шоу, нападал на Марту: «Чего ты в этих балахонах все время ходишь? А давай-ка я тебя преобразу! Уж я-то знаю, как это сделать!»

«Хорошо, – кротко отвечала Марта. – Давай. В обеденный перерыв – устроит?»

Совместный экспресс-пробег по ближайшему торговому центру заканчивался полным провалом. Сначала, конечно, приятельница с энтузиазмом срывала с вешалок наряды и гнала Марту в примерочную, предварительно заручившись помощью продавщицы: «Марта, надень вот это и это... Девушка! А принесите нам еще тот костюмчик, в горошек... Как это – „не подойдет вашей подруге“? Несите, я сказала! А кому подойдет? Мне? О да, я бы от такого костюмчика не отказалась... Марта, чего ты стоишь? На обед времени не останется... Меряй!»

«Нина (Оля, Катя, Раиса Петровна)... Чего-то не лезет», – сиплым басом жаловалась Марта.

«Как это – „не лезет“? Ой, и правда. Девушка! Принесите моей подруге вон то платье! А этот костюм, пожалуй, теперь я померю... Интере-есно, а на мне почему-то застегнулось. И рукава нормальные! Как влитое... Марта, мне идет? Ну вот, теперь придется купить... А как тебе платье? Обдерни... Все равно коротко? И талия сразу под грудью? Ну-ка, дай мне... Дивное же платьишко, как оно могло тебе не подойти?!»

В результате они выходили из торгового центра: Марта – с пустыми руками, а Нина (Оля, Катя, Раиса Петровна) – вся обвешанная пакетами и свертками. «Нет, Марта, я с тобой больше по магазинам не пойду. Одно разоренье!»

– Саныч! – по коридору семенил кадровик. Марта вздрогнула и очнулась. – Я уже слышал про медведя... Идем на пункт охраны, там записи с видеокамер. Лямперт рвет и мечет, говорит, это не просто кража, это далеко идущая акция... даже не акция, а самая настоящая провокация!

– Да ну? – побледнел завхоз. В первый раз за день он выразил свои истинные чувства. – Лямперт уже знает? Ой, беда... Волкова, стой здесь, я на пункт охраны... Блин, завтра же праздники, я на приусадебный участок хотел ехать...

– Обломись! Анна Марковна без тебя уедет, а ты будешь тут носом рыть, пока пропажу не найдешь.

Они убежали по коридору – полный низенький кадровик и жилистый, тоже невысокий Сан Саныч, который издали напоминал цыганенка благодаря своим курчавым, черным, без единой сединки, волосам.

Марта посмотрела им вслед. И осталась стоять на месте. Она привыкла, что завхоза надо слушаться беспрекословно и буквально. Так проще.

В нескольких шагах от ее поста располагалась стремянка. И на ступеньке, на уровне Мартиных глаз – чьи-то ноги в рабочих ботинках, зеленые штаны... Марта подняла голову (надо же, иногда все-таки приходится задирать голову!) и увидела электрика. Новенького – как раз недавно наняли в их отдел, за неделю до ноябрьских.

Электрик вешал под потолком светодиодную гирлянду (ноябрьские же!). «Неправильно вешает, – машинально подумала Марта. – И не здесь бы эту гирлянду, а чуть дальше и ниже... Впрочем, плевать».

Вероятно, почувствовав ее взгляд, мужчина повернулся. Довольно молодой, с хвостиком из светлых волос, стянутых сзади резинкой. Губошлепистый. С безмятежным, глуповатым лицом. Взгляд светлых глаз – нахальный и ласковый. Типичный работяга. Из тех, у которых вечные перекуры и которые ни одну юбку мимо не пропустят...

– Красавица! – сказал электрик и дружелюбно подмигнул Марте.

Марта опешила. Нет, ее смутило вовсе не нахальство работяги. А то, что он к ней... как это? Кадрился?

Марта не привыкла, чтобы к ней кадрились. Сколько она себя помнила, к ней никто и никогда не кадрился, даже в ее лучшие годы. Кроме, разумеется, пьяных и каких-то неадек-

ватных личностей – вроде Стаси, вернее, мужского варианта Стаси...

– Мужчина, вы чего? – хриплым басом мрачно прогудела Марта.

– О-о-о, какой голос! Вы не поете случайно? – все с тем же вежливым, дружелюбным нахальством спросил электрик.

Марта знала свои недостатки. Она с детства привыкла молчать. Дразнили! А когда все-таки приходилось открывать рот, старалась изменить тембр голоса. Иначе все головы дружно поворачивались в ее сторону, глаза широко открывались. В двенадцать лет Марта жестоко простудилась, и со связками произошла вот такая беда.

– Нет... – буркнула Марта. Электрик – прохвост. Думал, напал на легкую добычу. Думал – вот сейчас он сделает пару комплиментов, а эта дылда с перевязанным снопом волос на спине и голосом Луи Армстронга растает... Как бы не так. У Марты никаких иллюзий на свой счет не было.

В отвисшем кармане свитера задергался телефон.

– Волкова! Марта Витальевна!

– Да, Сан Саныч?

– Чего делаешь? – нервно спросил завхоз.

– Вас жду.

– А чего меня ждать? Ох, ты прям это... человек с альтернативным складом ума! Я для чего тебя просил куртку-то взять?.. Обойди все вокруг. Исследуй периметр! Может, и правда какой дурак мишку передвинул... Потом доложишь.

Поняла?

– Да, Сан Саныч. А заявку на лампочки после ноябрьских составить?

Завхоз произнес в ответ нечто неразборчивое и нажал на кнопку «отбой».

Марта развернулась и затопала к выходу. Несколько секунд после того она еще хранила в памяти лицо электрика. Он был довольно симпатичный. Что-то такое, мужское... Ясное дело, обманет, но зато какие ласковые глаза! Как у теленка. До идиотизма ласковые...

Марта вышла в просторный, блистающий мрамором парадный холл. Запихнула себя в вертящиеся тяжелые двери. Охранник в стеклянной будке проводил ее неприязненным взглядом. Рядовым сотрудникам полагалось ходить через служебный вход...

Марта спустилась по ступеням, дотопала до ворот. Оглянулась назад, на родную контору – это было огромное современное здание с выложенной золотыми буквами надписью «Росагронадзор» на полукруглом фасаде.

Перед зданием – идеально выстриженный газон с фонарями. Никакого намека на пропавшую скульптуру.

Марта методично затопала вдоль железного забора. Стоянка для посетителей. Все чисто и аккуратно. Служебный вход. Ни намека. Марта обогнула здание. Вот и он, задний двор. И правда, медведя нет.

Марта подошла ближе, исследовала место преступления.

Примятая земля, никаких следов... Рядом курят три сотрудника в офисных пиджаках – чины среднего класса. Презрительно покосились на Марту, ничего не сказали.

Марта затопала дальше.

– Нет, ты это чучело видел? – услышала она приглушенный смех за спиной. – Вот корова. Из баскетболисток наверняка!

– Тихий ужас. Танк в юбке...

– Какой тихий! Вы бы ее голос слышали, ребята... Лошадь кавалерийская!

«И чего шептаться? – подумала Марта. – Лицемеры. Могли бы мне это в лицо сказать... И отчего все люди такие лицемеры? Говорят одно, а думают другое. Противно же...»

Марта сделала пару кругов вокруг учреждения. Затем вышла наружу и сделала еще круг по улице. Под конец даже замерзла, хотя стояла безветренная, сухая погода. Как-никак уже начало ноября!

Медленно темнело. Марта вспомнила, что так и не пообедала сегодня.

Задержался телефон.

– Алло.

– Что? – взвинченный голос завхоза.

– Ничего.

– Везде была?

– Да.

– А на стоянке смотрела?

– Смотрела.

– Хорошо смотрела?

– Хорошо.

– На пленках – тоже ничего. Ох, вот беда... – занял Сан Саныч. – Что же делать?

– Акт надо составить.

– Без тебя знаю! – огрызнулся Сан Саныч. – И ведь кто-то перед праздниками эту пакость устроил...

– И вы правда на дачу не поедете?

– Прямо! На-кося выкуси! Чтобы я, значит, собственными календарными выходными жертвовал... – Далее неразборчиво. – ...В общем так, Марта Витальевна. Сейчас спускаешься вниз, осматриваешь гараж и прочие служебные помещения. На том твоя миссия заканчивается, можешь идти домой. Что еще? А, да – с праздником тебя...

– Вы думаете, скульптура может быть в гараже?

– Если похитители не успели ее вынести, то точно там.

– Сан Саныч... А почему милицию не вызвать? Если, например, служебную собаку пустить по следу...

– Чего?! – Неразборчивое. – Милицию? – Неразборчивое. – И служебную собаку тоже... – Неразборчивое. – ...Этого нам только не хватало! Сами разберемся... – Снова неразборчивое. Затем короткие гудки.

– И вас с наступающими, – машинально произнесла Марта и сунула телефон в карман.

Она честно спустилась в подземный гараж. Осмотрела

все. Поговорила со слесарем дядей Костей о ценах на бензин. Выслушала несколько ценных советов – не так давно Марта стала автовладелицей, поскольку добираться до центра Москвы из дальнего Подмосковья на общественном транспорте очень неприятно. Все пуговицы в дороге оторвут, все ноги отдавят...

– Ты, главное, Марта, осторожней... Женщина за рулем – это обезьяна с гранатой...

– Вы сексист, дядь Кость! – в первый раз за день захохотала Марта.

– Тш-ш... Потолок обвалится. И голосище у тебя... Хотя спасибо за комплимент. Знаешь, я хоть и в дедушки тебе гожусь, но еще очень даже ого-го... – интимным шепотом признался дядя Кость, глядя в упор на Мартин бюст, как раз располагающийся на уровне его глаз.

– Сексист – это про другое...

– Да? А про что?

– Сексистами называют тех, кто не верит в равенство мужчин и женщин.

– А кто ж в это верит-то?

– Ну вас, дядь Кость!

– Ты, главное, газ с тормозом не перепутай...

Дядя Кость тоже не был искренен. Хорохорился, строил из себя настоящего мачо, а глаза – стариковские, грустные...

– Март...

– Да?

– А сколько тебе лет, если не секрет?

– Не секрет, – легко ответила Марта. – Мне тридцать пять.

– А муж есть?

– Муж обьелся груш... Был, да сплыл.

Марте совсем нетрудно было говорить правду. Она не видела смысла приукрашивать себя и свою жизнь. Уж что есть, то есть...

– От дурак! Такую видную девку бросил...

«Ну вот, что и требовалось доказать – лишь одни пенсионеры могут мной заинтересоваться. Да и то на словах...»

– А детки? Детки есть?

– Нет. И не хочу. Я, дядь Кость, двоих братьев вырастила. От и до. Вот так нахлебалась... говна детского и молочных смесей. – Она провела ребром ладони по горлу.

– Мать померла? – ахнул сочувственно старик.

– Нет! Мама до сих пор в добром здравии! Просто она работала, а я с братьями сидела...

– Отца, значит, не было. На жизнь не хватало...

– Хватало. А отец – был и есть! Прекрасно они все себя чувствуют – и папа, и мама, и братья, и их жены, и племянники! У мамы, кстати, скоро день рождения. Ладно, дядь Кость, пойду я... С наступающими!

– И тебя. А как он нынче называется, праздник этот? Раньше день революции был, а теперь?

– День согласия. Нет, единства!

– Иди ты...

– Уже пошла... Все, пока-пока!

...Черное небо, оранжевые фонари.

Марта захлопнула дверцу своего авто, пристегнулась, минуту посидела в нерешительности, потом повернула в замке ключ зажигания. Она была еще неопытной автомобилисткой... А московские дороги промахов не прощают!

Марта вырулила на дорогу, потом резко нажала на тормоз.

– Черт... – Ее тряхнуло. Мимо проехал какой-то тип в «Жигулях», высунулся в окно и прокричал что-то, покрутив пальцем у виска.

– Сам такой, – буркнула Марта. Сердце отчаянно колотилось. «Ведь чуть не врезался в меня!» Она снова нажала на газ и принялась осторожно поворачивать.

Машина Марты – старенькая «немка», но во вполне приличном состоянии. Марте продал ее Горский, Ян Владиславович, заместитель начальника отдела по надзору за качеством и безопасностью зерна. Ян работал в Росагронадзоре ведущим специалистом-экспертом. Было ему 38 лет. Холост, выглядел чрезвычайно импозантно...

Где-то в начале октября Марта зашла к нему, чтобы принять заказ на канцелярские принадлежности, и Ян спросил:

– Марта Витальевна, машина не нужна?

– В смысле?

– Да вот, решил новую купить, а старую куда? Всего три тысячи американских долларов. Куда-то идти, с какими-то жуликами договариваться, объявления давать – неохота...

Решил – продам своим. Может, кто купит? Вам первой предлагаю...

Марта не раз видела на служебной стоянке авто Горского. Очень, очень приличное авто. И всего три тысячи?! «Займу. На одном хлебе с водой сидеть буду...»

– Беру! – хриплым басом рывкнула тогда Марта – даже стекло в раме задребезжало.

Горский засмеялся. Он был добрый и милый. Не жадный – этим сразу расположил Марту к себе. Поэтому каждый раз, сталкиваясь с ним, она отчаянно старалась не думать о том, искренен или нет с ней Ян Владиславович, не считает ли ее, как и все прочие, «коровой», «кавалерийской лошастью» и «танком в юбке»?.. Какая разница? О человеке же судят по поступкам...

Очередной лихач подрезал Марту. «Елки зеленые, да как люди-то ездят...» – подумала она, в очередной раз едва успев надавить на тормоз. По спине вдоль позвоночника струйкой скатился пот. Она решила не рисковать и неуклюже припарковалась у бордюра, возле кафе. «Посижу часик в кафе, дождусь, когда машин станет меньше...» Желудок, кстати, давно сводило от голода.

В кафе было не протолкнуться – предпраздничный вечер. – Мест нет, – равнодушно бросила распорядительница. – Марта! Марта Витальевна! Я здесь!.. – вдруг закричали из зала. – Идите ко мне...

Распорядительница оглянулась, потом повернулась к

Марте:

– Ну что ж вы сразу не сказали, что вас ждут... Прошу.

Марта протиснулась мимо. Кафе было оформлено ужасно – смесь французского с нижегородским. Деревянные стены и ажурные кованые перила! Наверное, дизайнер считал это модной нынче эклектикой... Впрочем, плевать.

У окна за столиком сидел Горский. Как всегда, в хорошем костюме, с безупречной прической, льдисто посверкивали стекла очков без оправы... Горский не был красавцем – чуть полноват, лицо вполне заурядное – нос широковат, серые глаза слишком близко посажены к переносице, залысины надо лбом... Но все искупала его безупречная лощеность. Если мужчина хорошо одет, то он – красавец.

– Ян Владиславович, я вас не стесню?

– Марта, ну что за ерунда... Я один. И давайте без официоза. На «ты». У нас ведь, можно сказать, общий ребенок...

– Какой ребенок? – ошарашенно, хриплым басом рявкнула Марта.

В кафе было шумно, играла музыка, но посетители, сидевшие за соседними столиками, дружно обернулись и уставились на Марту с неприязненным удивлением. Кто это там ржет как лошадь...

– Как какой? А вон... – Горский кивнул на окно. Там, в оранжево-фиолетовых сумерках, стояло авто Марты. – Смотрю, останавливается напротив знакомая машина. И знакомая девушка из нее выходит.

– А-а... – она улыбнулась растерянно.

– Ну как, ездит?

– Все отлично... – Марта раскрыла меню. Подошла официантка. – Пожалуйста, молочный коктейль и... – Она скользнула по списку блюд. (Все как-то дорого, и порции, судя по указанному в меню весу, маленькие!) – Блинчики со сметаной и еще... пельмени. Тоже со сметаной. И вот тосты, тосты с сыром...

Официантка, записав заказ, отошла. «Что же я делаю? – раздраженно подумала Марта. – Мучное и жирное. И сладкое. Опять нажреть на ночь. Вот вам и хлеб с водой! Хотя я днем не ела, ничего страшного не произойдет!»

Горский сидел, задумчиво уставившись в окно. Шашлык на его тарелке, судя по всему, давно остыл.

– Ян Владиславович, я думала, вы по таким забегаловкам не ходите, – брякнула Марта.

– «Вы»? Я же просил, без официоза... – погрозил ей пальцем Горский. Потом пожал плечами. – А что делать, я нигде столик не успел заказать... И вообще, не забывай, что я не бизнесмен, а всего лишь замначальника... Мне, как и вам... как и тебе, тоже из бюджета платят.

– Да я не про деньги... Вы... ты такой мужчина, что я тебя только где-нибудь в «Праге» или «Савое» могу представить, – честно сказала Марта.

Горский вздрогнул, не отрывая взгляд от окна:

– Интере-есно... Поясни, пожалуйста.

– Ты безупречен. Костюм, ботинки, портфель вон... – она кивнула на его портфель, стоявший на свободном стуле. – Очки...

– Намекаешь, что взятки беру?

– Ну что вы... то есть ты... Просто...

– Марта, в наше время имидж – это все. Я люблю хорошие вещи.

– Ян, прости ради бога, я не то совсем хотела сказать...

– Я люблю хорошие вещи, – повторил Горский спокойно. – И перестань извиняться...

– А новую машину купил? – с живым любопытством спросила Марта.

– Нет. Немного не рассчитал. Очередь еще не подошла.

– Ой, а старую уже продал... Как же ты теперь?

– Ерунда. На такси езжу.

– Я могу вернуть! На время... – Марта достала из сумочки брелок с ключами от машины.

– Не дури. Все. Не будем больше об этом.

Марте принесли ее заказ, и она сосредоточилась на пельменях.

– Я слышал, медведя украли.

– Ага... Вообще, часто чего-нибудь тащат. Вот недавно фонари со склада исчезли – их на фасаде хотели разместить. Лампочки пропадают. А с бумагой что творится... – Она безнадежно махнула рукой.

В этот момент за окном, не так далеко, что-то грохнуло

– дрогнули стекла, заверещали сигнализации у машин. Кое-кто из посетителей кафе вскрикнул. Потом люди разом зашумели.

– О господи... Что это было? – Марта вытянула шею, оглядела свою машину – вроде все цело, взрыв прогремел, судя по всему, где-то в начале улицы.

– Сиди. Я посмотрю... – Ян метнулся на улицу. Через минуту вернулся. – Баллон, наверное, взорвался.

– Где?

– В чьей-то машине. Ничего, бывает. Ты ешь, ешь... – Он похлопал ее по руке мягкой теплой ладонью.

– Ужас какой. А все живы?

– Да вроде все. Девушка... Девушка, можно коньяка!

– Я тебя могу довезти, – великодушно предложила Марта.

– Ничего. Мне на метро пару остановок. А ты где живешь?

– В Подмоскovie. Городок есть такой – Грязищи.

– Как? Грязищи?! Нет, это просто очаровательно... – Ян захохотал. – Ой, не могу... Прости!

– Да ладно, – пожала она плечами. – Я иногда сама удивляюсь – каким ветром меня в эти Грязищи занесло?..

– Прости... – Новый взрыв хохота.

Ян откровенно веселился, хотя люди в кафе еще суетились, то выбегали на улицу, то возвращались, живо обсуждая взрыв.

Ян выпил коньяка и принялся усердно коситься на девиц за соседними столиками... А косился он исключительно на

красоток. Марту это даже не задело. Она прекрасно знала, что ее уровень – это старперы и всякие там прохвосты-электрики.

– Ладно, пойду... – Он положил деньги на стол, потрепал Марту по плечу. – До свидания.

– До свидания, Ян!

Оставшись в одиночестве, Марта с аппетитом набросилась на еду.

Выползла она из-за стола с чувством вины. «Нет, это в последний раз так обедаюсь... Отныне только салатики и морковный сок!»

Марта села в машину, тронулась с места. «Сколько там? Десятый час... пробок точно уже не будет!»

В конце улицы стояла пожарная машина, тревожно мигали огни. Пожарные из брандспойтов поливали обгоревший остов легковушки, блестел черный, мокрый асфальт, за оцеплением толпились люди. «А, это здесь рвануло...» – догадалась Марта. Вдруг увидела несколько «Скорых». «Ян говорил, что никто не пострадал... Впрочем, он мог и не знать!»

Патрульный с жезлом заставил ее свернуть в проулок – оказывается, дальше дорога была перекрыта. Марта свернула, затем вырулила на проспект.

...В начале первого ночи она уже подъезжала к Грязищам. Унылый ночной пейзаж, силуэты черных голых ветвей на фоне окон, затрапезные домишки... Грязищи – это при-

говор. Грязищи осенью – это высшая мера. Какая разница, что расстрел заменили пожизненным сроком? В Москве еще туда-сюда, да и ближнее Подмосковье достаточно прилично выглядит, но вот в Грязищах... В Грязищах, например, практически невозможно поверить, что есть теплые страны, где плещется синее море, растут пальмы, люди в шезлонгах неторопливо потягивают мохито... Где яркое небо, красивые закаты, теплое солнце. В Грязищах осенью солнца нет вообще. В Грязищах всегда осень...

Марта свернула в проулок. Вот и ее дом – одноэтажный барак с отдельными входами.

Дверь – сразу в квартиру – была в глубине, между стеной ее дома и соседнего – такой небольшой «пенальчик» за ржавыми воротами. «Прекрасное» место – и гаража не надо! Хотя в чем-то повезло...

Марта вышла из машины, открыла ключом ворота, снова села, заехала внутрь «пенальчика». Тупик на мгновение осветился ярким светом фар, и в этом свете мелькнула шустрая тень – крыса... Марта к ним привыкла. Она вытащила ключи из зажигания и хотела снова выйти из машины... Но в этот момент кто-то сзади схватил ее железными руками, не давая дернуться. Зажал рот.

– Тихо, – услышала Марта шепот возле уха. – Я не бандит и не маньяк. Мне просто надо пересидеть где-то.

На несколько секунд Марту будто парализовало от ужаса. Она никак не ожидала чьего-то присутствия рядом.

– М-мм...

– Тихо, я сказал! Не дергайся. А то шею сверну ненароком...

На миг голос показался Марте знакомым. Она замерла.

– Умница. Теперь выходи, только без глупостей. У меня пистолет... – Железные клещи потихоньку ослабли.

Нет, этого голоса она не знала. Чужой. Бандит и маньяк... А кому еще она могла понадобиться? Впрочем, зачем она бандиту и маньяку – почти нищая, некрасивая и довольно старая – по маньячным-то меркам... Глупый какой-то маньяк. Хотя какие еще могли водиться в их беспросветных Грязищах?.. Именно такие – тупые и неразборчивые.

«Но почему я решила, что он – местный? – мелькнула стремительная мысль. – Он всю дорогу ехал на заднем сиденье... Он залез ко мне в машину в Москве!»

Марта, едва очутилась на свободе, рванулась в сторону ворот.

– Люди, помо...

В тот же момент ее перехватили железными клещами и потащили к двери.

– Ключ? Где ключ?! А, ч-черт... Больно же! – В голосе бандита-маньяка сквозила детская обида. Марта его укусила.

– Сволочь! – с ненавистью прошипела Марта. – И так жизнь поганая, тебя только не хватало...

Она была девушкой крупной, сильной, но грабитель-бандит-маньяк-псих – явно сильнее и ловчее.

Выва­тил у нее из кар­мана ключ, мол­ниеносно от­крыл дверь, втолкнул в­ну­тр­ь.

В тем­ноте они с гро­хотом про­ка­ти­лись по та­зам и ка­стрю­лям, сто­яв­шим в при­хо­жей. Мар­та с раз­бе­гу от­ле­те­ла в сте­ну, боль­но уде­ри­лась об нее го­ло­вой, из гла­з по­ле­те­ли иск­ры, а свер­ху на нее сва­лился де­тский ве­ло­си­пед, и... она по­те­ря­ла соз­на­ние.

Оч­ну­лась толь­ко у себя в ком­на­те, свя­зан­ная, на кро­ва­ти, со скот­чем на гу­бах.

«Эх, Ста­ськи нет... Ее еще не вы­пи­са­ли. Хотя чем бы она мне смо­гла по­мочь?» Ора­ть бы­ло бес­по­лезно – и не толь­ко из-за скот­ча, ко­то­рый скле­ил Мар­те гу­бы. За од­ной сте­ной, в со­сед­нем зда­нии, на­хо­ди­лась би­блио­те­ка (ноч­ной сто­ро­ж не пре­дус­мо­т­рен). За дру­гой сте­ной – ком­на­та Ста­си, а за Ста­си­ной – квар­ти­ра Ма­зу­ри­ных. Си­льно пью­щие асо­ци­аль­ные лич­но­сти – ма­ть, отец, дочь и со­жи­тель до­че­ри по про­зви­щу Го­блин.

Под по­тол­ком го­ре­ла со­ро­ка­ватт­ная лам­поч­ка без аба­жу­ра, за­ки­пал элек­три­че­ский чай­ник. Мар­та по­вер­ну­ла го­ло­ву и уви­де­ла сво­его по­хи­ти­те­ля в ра­бочей робе зе­ле­ного цве­та. Свет­лые во­ло­сы стя­ну­ты ре­зин­кой... Смут­ное вос­по­ми­на­ние сно­ва ше­вель­ну­лось в ее раз­битой го­ло­ве. По­хи­ти­те­ль в дан­ный мо­мент за­ва­ри­вал в двух кру­жках чай.

– М-мм... – с не­на­ви­стью про­мы­ча­ла Мар­та.

– Оч­ну­лась? Сла­ва бо­гу... Чай бу­де­шь? – По­хи­ти­те­ль об­ер­нул­ся, и Мар­та окон­ча­тель­но уз­на­ла давеш­него элек­три­

ка. Того самого губошлепа с телячьими глазами, который сегодня вешал гирлянды в коридоре Росагронадзора! Вероятно, в ее глазах отразилось то, что она его узнала.

Маньяк-электрик шагнул к ней. Марта съежилась, с ненавистью сверля взглядом его губошлепистую лживую физиономию.

– Узнала? Орать не будешь? – строго спросил он. – Надо поговорить... – Молниеносным движением он сорвал с ее лица скотч.

– А-а!

– Тихо ты! – Он опять налепил скотч Марте на лицо. – Я же сказал – надо поговорить.

Марта затихла.

– Ну, готова? – Секунду помедлив, он во второй раз сорвал с нее скотч.

– Сволочь... садист! – прошипела Марта. – Больно же!

– Бесплатная эпиляция... – хмыкнул псевдоэлектрик. Осторожно ощупал ее затылок. – Крови нет. Небольшая гематома. Надо холодное приложить. Есть лед?

Марта кивнула на старенький холодильник, перетянутый железной цепью с велосипедным замком.

– Ух ты... Это от кого?

Ну не рассказывать же ему, в самом деле, о Стасе!

– От кого надо...

– Код скажешь? Ну и не надо... – Псевдоэлектрик покрутил замок, набрал несколько комбинаций. Раз – и цепь с гро-

хотом упала на пол. — Делов-то...

Он открыл холодильник. Пирожки из кулинарии, початая банка баклажанной икры, банка сгущенки.

— М-да, не густо... — Он залез в морозилку, достал обсыпанный льдом пакетик с овощным супом. Марта купила этот суп месяц назад, из диетических соображений, а потом чего-то руки до него не дошли...

Псевдоэлектрик завернул пакет с супом в полотенце, приложил его к затылку Марты. Как ни странно, Марта вдруг перестала паниковать. Какой смысл бандиту-убийце-маньку-грабителю лечить ее? Уж грабил-убивал поскорее бы... Значит, это не преступник.

— Ты кто? — сурово спросила Марта и попыталась вспомнить имя своего похитителя. Что там было в анкете написано?.. Не вспомнить. Ну да неважно, главное — вот кого на работу Сан Саныч нанял — психа!

Псих потер ладонью подбородок. Вздыхнул, словно прикидывая что-то. Потом вскинул на Марту светлые, наивные глаза и честным голосом произнес:

— Я — спецгент. Меня зовут Иван Макаров.

Иван Макаров. Спецгент. Очаровательно!

Несмотря на весь драматизм ситуации, Марта истерически засмеялась. Нет, не засмеялась, а — заржала.

— Тихо ты!

— Ой, не могу... Придумал бы чего получше! — Пакет с диетическим супом съехал на сторону, Ивану Макарову

пришлось водрузить его обратно Марте на голову. – Спецагент... Ванька Макаров, спецагент!

Спецагент – это, прежде всего, кто-то вроде Штирлица. Или есть еще два смешных чудика из «Людей в черном»... Очень, очень недурен также агент Фокс Малдер из любимого сериала «Секретные материалы». Пирс Броснан в роли Джеймса Бонда – просто великолепен, хотя некоторые поклонники вопят, что истинным агентом 007 можно считать только Шона Коннери! Есть еще Борн, который все пытался себя идентифицировать...

Но тип в комнате ничуть не напоминал этих героев.

«Точно псих», – окончательно утвердилась в своем мнении Марта, глядя на губошлепа со светлыми глазами. Псих – это еще хуже, чем маньяк или грабитель. У тех известно какие задачи, а вот что у этого придурка на уме – один бог знает.

От веселья не осталось и следа.

– Понятно, – стараясь держать свой голос в узде, кротко произнесла Марта. Она помнила твердо – с ненормальными не спорят. Вот взять, например, Стасю... Но додумать про Стасю Марта не успела.

– Чего тебе понятно? – подозрительно спросил «спецагент» Иван Макаров.

– Все, – благожелательно кивнула Марта.

– Что именно?

– Ты спецагент. И ты выполняешь спецзадание, да?

«Сейчас станет втюхивать, что ловит инопланетян. Типа, у нас в Грязищах космодром, где тарелки приземляются... Или что в моей халупе теперь будет явка, и скоро сюда явятся Юстас с Алексом...»

– Да.

– Ну вот, видишь, я сразу догадалась...

– Издеваешься! – укорил ее Иван Макаров. – Я правда спецгент. Расследую экономические преступления.

– Меня в чем-то подозревают? – Марта пошевелила пальцами связанных ног. Ее ботинки 41-го размера валялись возле кровати, разметав по обшарпанному полу шнурки. Выходит, Иван Макаров предусмотрительно снял с нее ботинки. В обуви на кровати – нехорошо! Точно-точно, ненормальные такие педанты, вечно зацикливаются на мелочах. Взять, например, Стасю...

– Тебя – нет.

– А кого? – опять сбилась с мысли Марта.

– Одного человека из Росагронадзора.

– Сан Саныча?! Из-за медведя?..

– Какого медведя? Нет, не Сан Саныча!..

– А кого?

– С кем ты в кафе сидела.

– Горского?!

– Угадала. Молодец. С третьего раза... – Иван вернулся к столу, залпом выпил чай. Потом подошел к Марте со второй чашкой: – Будешь?

– Буду. Руки развяжи.

– Не дожدهшься... – Иван помог ей приподняться, поднес кружку к губам, потом помог лечь, снова водрузив на голову пакетик с диетическим супом. «Он псих, да. Но не буйный и не агрессивный. Относительно безобидный – как Стася!» – сделала Марта очередной вывод.

– Спасибо.

– Голова не болит?

– Нет. А как ты ко мне в машину залез?

– Секрет фирмы.

– Ну расскажи! – с любопытством взмолилась Марта. Она окончательно убедилась, что Иван Макаров не опасен. Такой дурачок, вроде Стаси...

– Все плохо, Марта, – неожиданно печальным голосом произнес тот. – Для меня, во всяком случае...

– Почему?

– Боюсь, в *моей* конторе будут думать, что я крот.

– Крот? Ой, только не надо про грызунов – у нас дом старый, и...

– Крот – это предатель. Двойной агент, – перебил ее Иван.

– А-а... А почему в *твоей* конторе про тебя будут так думать?

– Потому что Леху и Попова убили. А у меня – ни царапины.

«Телевизор пересмотрел. Бедный, бедный... – Кажется, Марта уже жалела его. Нет, не жалела, а – понимала... – Кто

угодно от нынешнего телевидения спятит. Взять, например, Стасю, жертву рекламы...»

– Ты хотел бы, чтобы тебя тоже убили?

– Я хотел бы, чтобы никого не убивали.

– А как это произошло?

– Нашу машину взорвали. А я в этот момент вышел, чтобы купить сигарет.

– Курение – вред, – машинально напомнила Марта.

– Абсолютно согласен. Только я не курю. Я вышел за сигаретами для Попова. Попов был за рулем. И в этот момент рвануло...

– Тебе повезло, – подумав, изрекла Марта. – А что дальше?

– А дальше я залез в первую попавшуюся машину. В твою. Вот как это было.

– Ми... минутку! – Что-то вдруг сместилось в ее голове. – Так это... правда?!

«Точно. Мы сидели с Яном в кафе. Потом взрыв, и... Так этот Ванька – действительно *настоящий* спец-агент?!»

– А кто взорвал машину? Ян? Ян не мог, Ян в это время был со мной!

– Ян кого-то нанял.

– Да? – совсем растерялась Марта – от неожиданности она опять заговорила хриплым басом. – Ты ничего не путаешь, Макаров? Ян – хороший мужик... И не жадный совсем! Пижон, конечно, но... Сейчас все пижоны! – яростно напомни-

ла она.

– Дело темное, – уклончиво произнес Макаров.

– Экономические преступления... Ты намекаешь, что Ян берет взятки?

– Типа того. Это называется по-другому – откат.

– Словечки какие – крот, откат... Я не верю.

– Не верь. Но мне надо пересидеть у тебя несколько дней. Я должен во всем разобраться... Тем более что Ян Горский думает, будто меня нет в живых.

– Кино-о... А потом ты меня убьешь.

– Дура, что ли? – вытаращил глаза Макаров. – За что?

– Ну ты же передо мной открылся! И вообще, я теперь все ваши спецтайны знаю. А где твой пистолет, кстати? Которым ты мне угрожал?

– Нету. У меня ничего нет с собой, даже документов. Не люблю таскать лишнего. И вообще, если спец-агент берется за оружие – это значит, что он окончательно влип и у него нет выхода... Тебе ничего не угрожает, клянусь! – спохватившись, добавил он.

– Н-да... хотелось бы верить. А если я Горскому тебя заложу?

– Смысл? Он и так догадался, что за ним следят... Зря, что ли, взрыв устроил, сволочь! – с ненавистью произнес Ян.

– А если Горский меня захочет убить? – Марта решила перебрать все варианты.

– А смысл?! У тебя есть какие-то доказательства его ви-

ны? Нет. Если бы были – тогда бы ты стала для него опасна... Да и то он сначала бы постарался вытрясти их из тебя или запугать, чтобы ты не смогла ими воспользоваться, и лишь потом задумался бы – надо тебя в расход пускать или не надо...

– Логично, – вынуждена была согласиться Марта.

– Так ты позволишь мне остаться? Буквально дня на два, на три... Я никак тебя не стесню и... буду вести себя очень примерно!

Марта задумалась. Потом произнесла неохотно:

– Ладно. Раз уж навязался на мою шею...

В чем отличие отечественных спецагентов от зарубежных? *Ихние* потягивают коктейли (мохито, например, или водку-martini, которые надо смешать, но не взбалтывать), а наши дуют чай. *Ихние* соблазняют красавиц, а наши – крайне неразборчивы.

– Спасибо! – обрадовался Макаров. И быстренько развязал на ней веревки.

Марта села, сунула ноги в ботинки.

– Ладно, пора спать. Ты к Стаське иди, в соседнюю комнату, а я здесь буду, – деловито произнесла она.

– Кто такая Стаська?

– Моя соседка. В больнице сейчас. Не сегодня-завтра выпустят. Она весной и осенью всегда в больнице лежит месячишко-другой... – Марта вернула пакет с подтаявшим диетическим супом в морозилку.

– Повезло тебе с соседкой...

– И не говори! Тем более что я раньше жила в центре Москвы, в собственной квартире и без всяких там соседей... – невольно вырвалось у Марты.

– А как тут оказалась?

– Как-как... муж помог – вот как! – неохотно призналась она.

– То есть?... Он тебя выселил, что ли? – удивился Макаров.

– Ага. Теперь наслаждается жизнью с новой женой и сыном.

– Вот гад...

– Он не гад. Он хороший, порядочный человек. Просто он так любит Ксюшу с сынишкой, что... – Она сглотнула комок в горле. – Он мне честно сказал: «Ты, Марта, сильная. Ты себе еще на квартиру заработаешь. А мы с Ксюшей – никогда...» Ксюша тогда беременная была. Плакала – «ну как же мы с ребеночком на улице будем жить!». Олег сломался и... устроил мне вот такой сюрприз. Ты думаешь, он не понимал, что поступает плохо? Еще как понимал! – с горечью произнесла Марта. – Так и заявил потом: «Гореть мне в аду – за тебя, Марта. Но я делаю это ради Ксюши и нашего с ней сынульки». Вот так он их любит... Сынульку, кстати, они Светозаром называли. Я только одного не понимаю, как они его ласково называют – Светой, что ли?... Или Зарей?

Макаров захлопал светлыми ресницами. Наивнейшее на вид создание, и не скажешь, что спецгент! Или у них там

проблема с кадрами?..

– Что смотришь?

– А почему твой муж Олег думал, что ты заработаешь себе на квартиру? – тут же спросил Макаров. – В нынешнее время, если ты не олигарх, квартиры быстро не покупаются... Ты же – обычная секретарша?

– Я не всегда была секретаршей.

– А кем ты была? – заинтересовался Иван.

– Дизайнером по интерьерам. Очень хорошим. Сама себе на квартиру заработала. Ну, ту, которую у меня Олег потом отнял.

– Класс! Дизайнер... – восхитился тот. – А почему на вторую квартиру не стала зарабатывать?

– Это что, допрос? – вспылила Марта. Ее и так уже кололо от воспоминаний. – А я, может, вовсе не сильная... может, я сломалась? Может, я не могу теперь работать по специальности? Да, у меня рост метр восемьдесят и размер ноги – сорок первый... Но я не сильная!

– Чего ты так орешь? – испуганно произнес Макаров. – Вот голосище-то...

– Да, и голос у меня, как у грузчика! Я толстая корова... Лошадь... Битюг! На мне пахать можно! По голове бить! – Она ошупала шишку на затылке.

– Я тебя не бил. Но все равно – прости, что так по-дурацки... И ты вовсе не толстая корова... так, немножко крупная...

«Немножко крупная»! Прохвост... Я его сразу раскусил!»

– Ладно... Ладно. Вали к Стаське, а я спать хочу.

– Ей-богу, я тебя не побеспокою! Тише воды ниже травы, посуду буду мыть... – Он затанцевал к двери.

«Врет. Врет и не краснеет», – устало подумала Марта.

– Да, Макаров...

– Что? – он обернулся.

– Я не просто так тебя оставляю. Ты мне должен.

В его глазах что-то дрогнуло.

– Я тебя слушаю... – постным голосом произнес Макаров.

– Будешь моим женихом.

– Что? – В его голосе зазвучал ужас.

– Не буквально! На один вечер.

– Ну, если надо... – с вымученной тоской начал он.

– Ты не понял! Завтра у моей матери день рождения. Пойдешь со мной в качестве жениха. Иначе она меня весь вечер пилить будет...

– А, в этом смысле! – с явным облегчением вздохнул Макаров. – Конечно-конечно... Я схожу с тобой! Мне не трудно.

– Мерси.

Он снова взялся за ручку двери.

– Макаров!

– Что?..

– Почему ты назвал меня «красавицей»?

– Когда?

– Тогда, на работе. Сегодня. Когда электрика изображал...

– Да ты и вправду симпатичная!

– Врешь!

– Ничего я не вру! И... и спокойной ночи, Марта! – Он шмыгнул за дверь.

...Марта долго не могла заснуть. И не потому, что происшествие со спецагентом ее напугало. Если честно, ей было уже наплевать, что кто-то кого-то пытался разоблачить. Взрывы, слезка, какие-то там откаты... Ей был безразличен и Иван Макаров, и Ян Горский (Иван и Ян, инь и ян, зеркальные близнецы, плюс и минус, ангел и черт...). Ян, конечно, оставался немного роднее – ну как же, у Марты с ним общий «ребенок» – старенькое авто... Ну и что теперь, она за это авто, проданное по дешевке, должна на Яна всю жизнь молиться?.. Если Ян жулик и преступник, то можно и забыть про это его благодеяние... И Иван тоже хорош – из-за него шишка вон на затылке!

На самом деле Марту волновала только Ксюша. Наверное, Марта ее ненавидела. Она никак не могла понять, чем же она хуже Ксюши. И почему она не такая, как Ксюша.

Ксюша – противоположность Марты, тоже ее зеркальное отражение. Вернее, некая причудливая проекция, поскольку вес Ксюши – сорок пять килограммов... Размер обуви – тридцать четвертый (!!!).

У Марты – 41, у Ксюши – 34. Боже мой, боже мой! 41 и

34. День и ночь.

У Ксюши – ангельский голос, Олег даже как-то сравнил его с «небесными колокольчиками». То есть нечто дивное и неземное... Недаром Ксюша работала администратором в салоне красоты. Она снимала телефонную трубку и лепетала: «Алло! К какому мастеру вас записать? Стрижка или укладка?» – «Налысо побрить!» – рявкнула тогда Марта. Это был один-единственный раз, когда она звонила на работу Ксюше. Без всякого повода, просто послушать голос соперницы...

У Ксюши были светлые, мягкие, послушные волосы, словно покрытые серебряной пылью. У Марты, как уже упоминалось, – нечто, совсем не напоминающее волосы. Сноп сена, пук проволоки, веник, мочало, рулон пакли...

Ксюша никогда не ругалась. С ее губ, напоминающих цветочные лепестки, никогда не слетало грубое слово. Представить, чтобы Ксюша сказала «дерьмо» или «твою мать», – было невозможно. Если Ксюше в общественном транспорте наступали на ногу, она плакала. Слезами, напоминающими хрустальные шарики.

Ксюша была трепетной и возвышенной. Это она придумала имя сыну – Светозар. (Если бы у Марты родился сын, то она бы назвала его, ну... да хоть тем же Ванькой бы назвала, но уж точно – не Светозаром, не Лучезаром и стопроцентно – не Пересветом.)

Ксюша и Марта.

День и ночь. Небо и земля.

Ксюша не ведала, что Олег собирается лишить Марту квартиры. «Если бы я знала, что Олежек задумал, то я бы не позволила ему это сделать!» – с хрустальными слезами на дрожащих ресницах сказала она Марте. «Я знал, что ты мне не позволишь это сделать, – с беспредельной нежностью в глазах обратился к своей новой жене Олег. – Этот грех на мне. А ты ни в чем не виновата, Ксюша... А ты, Марта... прости меня!»

* * *

Стук в дверь.

– Да! – сонным голосом отозвалась Марта.

– Можно? – в комнату втиснулся Иван. – Доброе утро...

Марта скосила глаза на часы – половина второго. Дня...

– А, это ты, спецагент... – Марта вспомнила вчерашнее приключение. – Добрый день.

– Я тут с твоей соседкой познакомился... – Иван скромно сел на стул.

– Со Стасей? Ее что, выписали? – обреченно простонала Марта.

– Ага. Но она уже ушла.

– Ты ее не напугал, Макаров?

– Скорее это она меня...

– Как она тебе?

Иван помолчал. Потом произнес суровым, «чекистским» голосом:

– Твоему бывшему мужу надо яйца оторвать.

– Макаров... Больше ни слова о моем бывшем муже, – не сразу отозвалась Марта.

– Понял. Ну что, идем?

– Куда?

– Ты говорила, что у твоей мамы день рождения...

– О господи... – вздрогнула Марта, окончательно проснувшись. – Ступай на кухню, я пока соберусь!

– Завтракать будешь? – крикнул из кухни Иван.

– Буду...

Марта рванула в ванную. Потом в комнату. Потом к Стасе – не уперла ли та фен? Потом к себе – нашла фен почему-то у себя под кроватью...

– Марта, я жду! Остынет...

«Идиллия, – неожиданно подумала Марта. – Счастливая семейная пара – муж и жена. Собираются в гости к теще, жена прихорашивается, муж готовит завтрак...»

– Пельмени сварил. А пирожки испортились, их пришлось выбросить! – бодро отрапортовал Иван.

Марта присела напротив, на табуретку. Она никогда не ела на кухне, только в комнате. Привычка, выработанная коммунальным житьем. Особенно когда соседкой – безумная Стася. Ну да ладно, Стаськи все равно сейчас нет...

– Марта, я вот что подумал... Как я пойду на день рожде-

ния твоей мамы?

– А что?

– Ну не в таком же виде, – он указал на свою спецовку.

– Точно. Мама не поймет... Надо костюм!

– Вот и я говорю... Можно я не пойду, а тихонько посижу дома?

Идиллия, идиллия... Если со стороны посмотреть, не зная подробностей, – счастливая семейная пара. Сидят вдвоем на кухне, как голубки, муж застенчиво признается, что не сможет пойти на день рождения тещи...

– Только попробуй, – сурово произнесла Марта. – Пойдешь как миленький! У Стаськи в шкафу костюм ее покойного отца.

– Я не буду одежду с покойников носить...

– Костюм не с покойника сняли, не бойся! Стаськин отец в нем живым ходил...

– Представляю этот костюмчик... – без всякого энтузиазма заметил Иван.

– Стаськины родители были нормальными людьми, между прочим! В их семье только она – инвалид.

Иван помолчал, мужественно пережевывая пельмень. Потом изрек:

– Вот видишь, на что я ради тебя иду... Была бы ты толстой коровой, мне бы на тебя было глубоко наплевать!

После завтрака Марта всучила Ивану костюм:

– Переодевайся... Ко мне в комнату пока не заходи.

Марта заперлась у себя.

Мама требовала, чтобы праздники были всегда праздниками. Если тебя пригласили в гости, то уж будь добра одеться соответственно – никаких там растянутых спортивных костюмов и кроссовок (ботинок). Поэтому на этот случай у Марты был припасен парадный наряд.

Она быстренько влезла в черные бриджи. Бриджи – уникальная вещь. Никто не требует, чтобы они прикрывали каблук. Длина бриджей застряла где-то между коленом и щиколоткой (если выше колена, то это будут уже шорты, а в шортах в гости – неприлично) – и их может носить женщина любого роста. Хотя не исключено, что данные бриджи на самом деле являлись обычными брюками, но для женщин маленького росточка. Типа Ксюши. Да, пожалуй, Мартыны бриджи смотрелись бы на Ксюше как полноценные брюки...

Далее Марта натянула на себя водолазку. У водолазки на горловине сверкала россыпь стразов – значит, она была стопроцентно парадной.

Поверх водолазки – голубой длинный пиджак. Пиджак Марта считала самым удачным своим приобретением, поскольку он прикрывал все проблемные места. На самом деле пиджак был летним пальто, но на Марте он смотрелся как стопроцентный пиджак.

Волосы Марта увязала в пучок, закрепила конструкцию двумя десятками шпилек. Брызнула сверху лаком.

Немного косметики...

Парадные остроносые туфли на низком каблуке. Большая редкость, кстати, поскольку если туфли парадные, то почти всегда – на шпильках. А шпильки Марте уж вовсе ни к чему (ну куда ей каблуки, она и так затылком в потолок упирается)...

Через десять минут Марта вышла на кухню. Иван стоял у окна, уже переодетый в клетчатый костюм покойного Стасиного отца. Костюм, кстати, был ему впору, а чуть длинноватые брюки милосердно прикрывали рабочие ботинки.

– Класс... – Услышав стук двери за спиной, Иван повернулся, оглядывая себя. – Винтажная штучка! У покойника был неплохой вкус...

Он поднял глаза на Марту, и улыбка сползла с его лица.

– Что? – сурово спросила Марта.

– Н-ничего... Марта!

– Что?

– А ты и вправду была дизайнером? *Хорошим* дизайнером?

– Издеваешься?..

– Нет. Но вчера ты выглядела лучше.

– Не твое дело... – Марта не стала пускаться в долгие объяснения: как тяжело женщине ее габаритов искать обувь и одежду нужных размеров – будь она хоть трижды дизайнером.

Они вышли из дома. Стояла пасмурная, холодная погода. Низко висели темно-серые тучи...

– Можно я за руль сяду? – предложил Иван.

– Это еще зачем?

– Я знаю, как ты водишь... Чуть не умер вчера, когда сзади на полу лежал.

– Нет.

– Марта, ну пожалуйста...

– Нет!!!

– Какой у тебя жуткий характер... Неудивительно, что муж тебя бросил.

– Опять?.. Я же просила... Да, и кстати, небольшой инструктор: я живу не в Грязищах, а в своей квартире на Садовом. По-прежнему занимаюсь дизайном. Самое главное: ты – меня любишь. Веди себя соответственно! Вот ключи – открой-ка ворота...

Они выехали из «пенальчика». Иван немедленно пристегнулся.

– А кем я работаю? – вцепившись в сиденье, спросил он.

– Кем хочешь. Только что-нибудь приличное придумай!

И никаких спецагентов!

– Хорошо. Я тогда буду художником. В таком костюме очень хорошо быть художником. И вроде как у нас много общего...

– Согласна.

– Марта... А свадьба у нас когда?

– Мы еще не определили.

– Марта!

– Что еще?.. – недовольно огрызнулась Марта – машину тряхнуло. – Ты не видишь, что отвлекаешь меня?..

– А что ты своим родителям на следующий год предъ-
явишь?

– О, я так далеко не загадываю... – раздраженно отмахну-
лась она.

– В общем, правильно. Будет день – будет хлеб... Ой!
Марта... Марта, можно я за руль сяду?

– Отстань!

– Какая ты злая...

Они выехали из городка, свернули на шоссе. Здесь дорога
была получше. Машин мало... Марта немного расслабилась.
«Нет, все-таки надо этого прохвоста ввести в курс дела, а то
ляпнет при родителях чего-нибудь не то!»

– Я пять лет назад с Олегом развелась. Про Олега они зна-
ют.

– Знают, что он выгнал тебя из собственной квартиры?

– Нет, что ты! Я же сказала, что для них я живу все там же.
Просто с Олегом мы развелись. Я им по дурасти ляпнула...
Только потом сообразила – надо было сказать, что он умер, –
тогда бы они не стали придирааться.

– Странные у тебя с предками отношения... Они что, за
пять лет так и не собрались к тебе в гости? – осторожно спро-
сил Иван.

– Несколько раз собирались. Но я говорила, что делаю пе-
репланировку. Ремонт и все такое... Я же дизайнер!

– И они верили?

– Да. Они, если честно, особо и не стремились ко мне. Живут с моими братьями, за внуками приглядывают. Времени нет... А летом – на даче.

– У тебя и братья есть?

– Да, двое. Георгий и Глеб. Одному 24, другому 25. Они младше меня.

– И уже дети у них есть? Раненько... – заметил Иван.

– У Георгия двое. А Глеб не так давно женился. Родители всегда мечтали о внуках. От меня они ничего не дождались.

Некоторое время они ехали молча. Посыпал снег крупными редкими хлопьями... Первый снег в этом году. Асфальт заблестел.

– Сбавь скорость... – занервничал Иван. – Ты резину меняла?

– В смысле?

– О господи... Зимнюю на летнюю! Шины...

– А, это... Не успела. Что еще? – глядя на дорогу, снова заговорила Марта. – Сама я к родителям стараюсь ездить нечасто. Вот только на дни рождения, на Новый год. Вернее, не на Новый год, а первого января я всегда к ним приезжаю. На Новый год там не протолкнешься...

– А братья? Братья не в курсе твоей личной жизни?

– Братьям все до лампочки.

– Какая-то странная у вас семейка... Может, тебе стоило им все рассказать? Как Олег тебя кинул, как ты живешь в

этой хибаре в Грязищах, работаешь секретаршей завхоза, а вовсе не дизайнером...

– Они не поймут.

– Они же твои родные.

– Вот именно!

– Не верю... – недоверчиво пробормотал Иван.

– Почему?

– По-моему, родные для того человеку и даны, чтобы поддерживать его в трудных ситуациях, помогать – если не делом, то хотя бы добрым словом... Они – для того, чтобы просто любить. Чужие ведь за просто так любить не станут?

– Мои родные меня любят, – пробормотала Марта, вцепившись в руль.

– Тогда какого хрена все эти тайны Мадридского двора?

– Так проще. Вот у тебя с родителями какие отношения – ну, если они еще живы-здоровы, конечно?

– Не знаю...

– Как это? – удивилась Марта. – Ты не знаешь, какие у вас отношения?

– Я не знаю, живы они, здоровы ли...

– То есть? – Марта едва успела затормозить перед светофором. Машину резко тряхнуло.

– Осторожнее... Я сирота.

– В каком смысле?

– В прямом. Меня на помойке нашли! – Иван широко улыбнулся.

– Шутишь? – осторожно спросила Марта.

– Нет, правда. Хорошо, что было лето, я не успел замерзнуть. Рос в детском доме, потом служил в армии, а уж в армии меня нашли...

– Родители?

– Нет, предложили работать в органах. Очень я подходящий человек.

– В смысле?

– Трудолюбивый, неконфликтный, способный, некорыстный, привязанностей у меня нет и быть не может... ну и много еще чего. Я кучу тестов прошел, прежде чем меня в нашу контору взяли.

– Тогда чего про любовь заговорил? Ты ведь даже не знаешь, что это!

– Зато меня психологии учили... Женщины – существа эмоциональные, вот им без любви и добрых слов – нельзя.

Марта нажала на газ.

– А мне, как видишь, можно, – сказала она. – Я исключение. Какая любовь, какие слова, когда у меня рост – метр восемьдесят! А размер ноги...

Она не успела договорить. На мокром, покрытом коркой льда асфальте машину внезапно занесло.

– А-а...

– Руль держи!

– А-а!!!

Стремительный разворот. Еще разворот. Марта момен-

тально перестала ориентироваться, ей показалось, что она находится на аттракционе «Американские горки» – ее несет и кувыркает в воздухе неведомая сила, которой невозможно сопротивляться. Единственное, что можно, – только орать, широко открыв рот.

Дорога за минуту до этого происшествия была пуста, но в какой-то момент скольжения Марта краем глаза увидела в зеркале грузовик. Где был этот грузовик – сзади, или спереди, где они сами, на своей полосе или встречной, – уже невозможно было понять.

Иван тоже что-то орал, перехватив у Марты руль. Поворот, еще поворот на скользком асфальте, визг тормозов. В последнюю секунду Иван сумел уйти от лобового столкновения с грузовиком, и... Удар. Вылетела подушка безопасности...

Тряхнуло так сильно, что у Марты едва голова не оторвалась. Все двадцать шпилек разлетелись в разные стороны, волосы волной закрыли Марте лицо.

Иван тяжело дышал рядом.

– Жива?

– Ка...кажется... – Марта откинула волосы назад и обнаружила, что ее машина находится на обочине. Передняя часть, впечатавшаяся в столб, – в гармошку, изпод капота валит дым. – Пронесло!

Вдалеке виднелся грузовик, удаляющийся в сторону области.

– Мюллер шел по коридору рейхсканцелярии. Вдруг сзади – шаги. Мюллер быстрее – и шаги быстрее. Мюллер бежит, и сзади побежали...

– Ты что, спятил? – прошептала Марта.

– Нет, это я тебе анекдот рассказываю. Сейчас будет самое интересное...

– Не надо, – Марта отстегнула ремень и выползла наружу. Холодный осенний ветер. Черные тучи. Ее разбитое вдребезги авто, ее разбитая мечта о комфорте в пути...

– Что делать будем? – почесал в затылке Иван. – У тебя мобильник есть? Только, чур, я тут ни при чем, светиться не буду...

– Что делать, что делать... – эхом отозвалась Марта. – Я знаю, что делать. Надо к маме ехать. Срочно! – Она взглянула на наручные часы.

– А машина?

– Оставим как есть. Надо к маме. Вон маршрутка идет... – Марта замахала призывно руками. – Итак, Макаров, новые инструкции: моя машина – в ремонте. С ней все в порядке, но... надо покрасить кузов! Нет, не пойдет... Мать скажет: «Я так и знала, что ты купишь какую-нибудь обшарпанную дрянь!»

– Может, ты решила сделать аэрографию? – предложил Иван.

– А что это?

– Рисунки всякие снаружи – животные, растения, ино-

планетные пейзажи... Работа ювелирная, требует времени...
Поэтому мы прибыли к твоим родным на своих двоих.
– Гениально! Так и расскажешь...
Маршрутка затормозила перед ними.

* * *

Все прошло на ура.

На день рождения прибыли практически вовремя. Отец выглянул в окно: «Где припарковались? Нигде? А почему не на машине?» Ему была немедленно предложена басня с аэрографией в исполнении Ивана. Басню с неожиданной благосклонностью выслушали. Да и сам «жених» явно понравился.

Иван еще купил букет цветов, и мама просто растаяла:

– Марта, какой замечательный у тебя молодой человек...
Ты его не заслуживаешь!

Комнат в квартире было три. В одной жили родители, в другой Георгий, его жена Лиза и двое малолетних детей (девчонки!), в третьей – молодожены Глеб и Марина. Марина оказалась неожиданно и очень сильно беременной.

Все собрались в большой комнате – родительской и по совместительству выполнявшей функции гостиной, за огромным раздвижным столом.

– Шестьдесят пять – это круглая дата. Юбилей! Ниночка, за тебя! – поднял первый тост отец, бывший военный. И

Марта, и братья оказались в него. Такие же высокие и крепкие. У отца были коротко стриженные волосы, кудрявые – тоже черта, передавшаяся его детям по наследству. Отец, как бывший военный, отличался характером твердым и прямолинейным. Он был нетерпим, нетерпелив и вспыльчив, что с возрастом только усилилось. Спорить с ним было бесполезно. С ним никто и не спорил – и жена, и дети, а позже невестки никогда не вступали с Виталием Викторовичем в открытое противостояние.

– Мамочка, поздравляю! – потянулась с бокалом к матери Марта. – Долгих-долгих лет тебе... Ой! Гоша... – ей наступил на ногу Георгий, тоже рванувший к матери с поздравлениями. – Мам, а почему не в ресторане? Уж ради юбилея можно было и зал в ресторане снять...

– С ума сошла! – отмахнулась мать. – Это ж какие деньги! Накормят всякой дрянью – потом в больнице валяться. А тут свое, домашнее...

Мать была великой кулинаркой. Пекла пироги и делала в промышленных масштабах варенья, маринады и соленья. Отличалась иезуитской скрытностью (оно и неудивительно – столько лет рядом с отцом, с его-то характером!). О чем она думает и что чувствует – никто и никогда не знал. Нина Павловна не была злой, но терпеть не могла ошибок и промахов. Ни у себя, ни у окружающих. Поэтому ее жизнь напоминала накатанную колею, а детей она отчитывала за любое «неправильное» действие. Если замуж (или женить-

ся) – то навсегда. Специальность выбрал – работай по специальности, нечего ерундой заниматься, из дворников в конюхи переквалифицироваться (сама мать 40 лет пахала исключительно в должности медсестры, выросла под конец своей трудовой деятельности до старшей медсестры)! Если купил пальто – носи. Вообще, любой выбор – он первый, он и последний. Если не получилось с первого раза – то ты дура (дурак). Раньше надо было думать!

Поэтому Марта столь тщательно скрывала от родителей подробности своей личной жизни. Если бы они узнали, что Марта потеряла квартиру в центре Москвы, очень приличную работу и разбила только что купленную машину, они бы пришли в неистовство. Возможно, отца от возмущения хватил бы удар. Он бы помер, а в его смерти оказалась бы виноватой Марта.

– Иван, а когда вы с Мартой познакомились? Оливье еще вот, селедка... Марта, ну чего ты сидишь, подложи Ивану еще оливье! – У матери, как всегда, все было под контролем. Гости должны есть. И пить. Но пить – умеренно... Нина Павловна зорко наблюдала за Иваном.

– Когда? Да не очень давно... – добродушно пробормотал Иван.

Марта толкнула его коленом. «Эх, надо было предупредить, что мать не любит скоропалительных знакомств!»

– Год назад, – перебила его Марта.

– Да, год назад... Один год – как один день! – улыбнулся

Иван. Потом что-то вспомнил и потянулся к Марте с поцелуем.

Марта едва сдержалась, чтобы не ткнуть его локтем в грудь. Потом вспомнила, что сама дала «жениху» наказ – показывать свою любовь к ней, «невесте». Позволила чмокнуть себя в щеку.

– А по профессии ты кто? – сурово обратился к Ивану отец.

– Художник он! – быстро произнесла Марта.

– А ты не лезь, не тебя спрашивают... – отмахнулся отец.

Далее последовал допрос с пристрастием – какой институт закончил, где работает, сколько получает, какие планы на будущее и т. д. и т. п. Иван очень ловко отвечал и даже вопрос о собственных родителях обошел стороной – дескать, их давно нет. О помойке – ни гу-гу. Словом, все прилично, все достойно, никаких проблем. Чем дальше, тем сильнее он нравился родителям!

Марта даже почувствовала некоторые угрызения совести, что притащила Ивана сюда. Но, с другой стороны, если бы она этого не сделала, то сейчас допрашивали бы ее. И по полной программе – почему одна, почему такая непутевая и т. д. и т. п.

Братья, Георгий и Глеб, молчали, усердно ели. Они напоминали двух былинных молодцев – огромные, с мощными подбородками, с кудрявыми чубами, глыбистыми плечами. Двое из ларца, одинаковых с лица. Их жены – Лиза и сильно

беременная Марина – тоже упорно молчали. Потом у Марины заболела спина, и она ушла. У Лизы стали орать девочки, и она тоже ушла.

Георгий с Глебом немного оживились, подлили себе еще в рюмки. Мать смотрела на это благосклонно, сыновья были ее кумирами. Отец тоже всегда был более снисходителен к сыновьям.

Георгий с Глебом заговорили с Иваном на какие-то свои, мужские темы. Что-то про машины, опять про эту дурацкую аэрографию... Похоже, братьям Иван тоже понравился. От этого мать стала с еще большим восхищением смотреть на будущего «зятя». Потом даже шепнула на ухо дочери: «Марта, не будь душой! Такого мужика нельзя терять...»

Марта с кислой улыбкой кивнула.

Смотреть в глаза родителям было неловко... Она принялась оглядываться по сторонам и обнаружила новую хрустальную люстру. И репродукцию картины Шишкина – между двух окон, под золоченым ламбрекеном.

Все остальные предметы интерьера сохранились в неприкосновенности, как то: «стенка» румынского производства, дубовый буфет, этажерка с книгами (которые сроду никто никогда не читал и которые были куплены исключительно «для внуков»), пара плюшевых кресел леопардовой расцветки и раскладной диван, жесткий и неудобный даже на вид, а уж что касается его функциональных достоинств, то сравнить его можно разве что с орудиями святой инквизиции...

Как на этом диване спали последние двадцать лет отец с матерью – уму непостижимо!

В те времена, когда было еще желание, Марта не раз предлагала переделать квартиру. «Стенку» – вон, заменить ее какими-то стеллажами интересной конструкции, этажерку перевезти на дачу и вместо классиков расставить по полкам материны заготовки, классиков переместить в стеллажи, буфет ликвидировать, кресла выкинуть, а диван – не просто выкинуть, а еще и напоследок порубить топором (выплеснуть скопившийся против него негатив!).

Родители от любых переделок отказались категорически, хотя Марта была готова взять финансовую сторону на себя (тогда она еще могла себе это позволить).

Идеи дочери показались матери с отцом отвратительными. Вульгарными. Пошлыми и выпендражными. Совершенно негодными для реальной жизни. Как, например, жить без «стенки»? А вещи куда складывать? Переделать кладовку под гардеробную?? Ну это же бред! А спать на чем? На каком таком складном модуле? Пусть китайцы на модулях спят, а мы к модулям непривычные! А диван тогда куда? Выбросить?? Целый, абсолютно не сломанный, крепкий диван – выбросить?!

Шквал негативных эмоций обрушился тогда на Марту (к счастью, она не успела упомянуть о рубке дивана топором – иначе ей досталось бы еще больше).

Братья – вот те могли бы поддержать Марту. Родители

прислушивались к их мнению. Но братьям было лень затевать ремонт. Где жить во время ремонта? Как пережить это стихийное бедствие? Известно же, помогать все равно заставят и т. д. и т. п. А братья не любили напрягаться лишний раз. Георгий и Глеб (надежда и опора родителей, дочь не в счет, поскольку дочь, как раньше говорили, – отрезанный ломоть), так вот, Георгий и Глеб без крайней нужды никогда не делали лишних телодвижений.

Смысла учиться, устраивать свою карьеру они не видели. Георгий стал охранником в огромном супермаркете, Глеб – водителем такси. Профессии, безусловно, нужные, но... Братья бы вообще не работали, если бы была такая возможность!

Тем не менее для отца с матерью Георгий и Глеб выглядели так: красавцы; при деле; раз и навсегда выбрали для себя специальности; не бедствуют; серьезные – у каждого семья...

Марта в семье никак не котирировалась, хоть и закончила институт. Во-первых, не красавица. Во-вторых, занимается какой-то ерундой (дело ли – почти новую мебель выкидывать да приличные обои переклеивать на какую-то порнографию?). В-третьих, с мужем развелась. Детей так и не завела, хотя сороковник уже скоро. Вот как родители думали о Марте.

Такое отношение задевало Марту?

Н-нет...

Нет. Когда-то давно – может быть...

Сейчас она думала только об одном – почему она хуже Ксюши. И уж в последнюю очередь ее беспокоило то, почему родители так и не дали ей порубить диван топором, хотя в рубке родительского дивана, возможно, кроется какая-то фрейдистская подоплека...

Стоило только Марте вспомнить о Ксюше (она и так о ней никогда не забывала, но старалась вспоминать хотя бы не так *подробно*), как настроение у нее испортилось. Даже мысль о разбитой машине уже не мучила... Живы же все, никто не пострадал – и слава богу! Но вот Ксюша...

С горя Марта хлопнула рюмку. Потом, когда отец отвернулся, хлопнула еще.

– Дорогая...

Это еще кто? А, этот... спецгент! Чего он лезет, руку жмет? Ах да, он как бы жених...

Марта тихонько отползла от Ивана. Пересела с одного стула на другой, якобы салат себе накладывала...

– Ванечка, вы обязательно к нам – на Новый год! – это мать.

– Да, сынок, железно, чтобы приехали! – отец. Ну вот, этот помоечник ему уже как родной!

И тут Марта неожиданно осознала размеры своей никчемности и глупости. Она сама себе вырыла яму! Вот исчезнет Иван – кого ей потом предъявлять родителям? Кто возьмет на себя тяжкую роль буфера... И почему они почти влюбились в Ивана? Чего в нем такого?

Марта попыталась посмотреть на Ивана со стороны.

Странная, изменчивая внешность у него – в рабочей robe Иван выглядел работягой, теперь – пижонем в винтажном прикиде. Хорошо умеет мимикрировать – наверное, профессия вынуждает. Актер!

Улыбается теперь (батюшки, у него, оказывается, ямочки на щеках!). Подмигивает. Светлые волосы выбились из-под резинки. Пожалуй, так небрежно-брутально, соблазнительно выглядят только красавцы на журнальных обложках.

Марта с презрением относилась к журнальным красавцам, рекламировавшим туалетную воду, одежду, часы, яхты и прочие предметы потребления. Внешность этих красавцев – результат труда стилистов и матери-природы. Но – не больше. Эти мужчины прекрасны и абсолютно бесполезны. Их взгляд говорит о многом, но на деле они и двух слов связать не смогут. Ведь это их работа – выглядеть прекрасными, загадочными, небрежно-брутальными...

Они лгут одним своим видом. Их щетина – не результат небрежности, а тонко продуманный ход... Возможно, они даже книги читают! Но не потому, что эти книги им интересны, а потому, что так полагается – знать нескольких модных авторов. Для пущего имиджа. Чтобы небрежно жонглировать именами Вербера, Бегбедера, Зюскинда и т. п.

Иван, конечно, не совсем уж трутень (не из тех – небритых, в Хьюго Босс, с томиками Вербера-Бегбедера под мышкой), но тоже лжет. Хитрый, неискренний... Под простачка

работает. А эти ямочки на щеках? На самом деле тот еще фрукт! Хотя машину ловко от лобового столкновения увел. А потом разбил. Но все живы-здоровы... Шустрый. Похоже, и вправду из органов. Болтает много? Но ни одного лишнего словечка, все только в общих чертах! Потом и не вспомнить, о чем трепался, кроме драматичной истории о помойке, на которой его якобы нашли... Чего ему надо от нее, от Марты? Говорит, пересидеть надо... Тоже, поди, врет.

В кинофильмах спецагент, попавший в затруднительную ситуацию, немедленно начинал расследование. А этот чего по дням рождения рассиживается? Следил бы за Горским, сидел бы за компьютером, расшифровывал бы какие-нибудь секретные файлы... Ан нет! Пьет водку с отцом Марты.

«Интересно, а смогла бы я полюбить такого? – хмуро поглядывая на Ивана, вдруг подумала Марта. И сама себе ответила: – Нет, никогда!»

Слишком легковесный, пустой, скрытный этот Иван, и не имеет значения, спецагент он или кто. Как человек, как мужчина – ненадежный, это невооруженным взглядом заметно! Будет на каждом шагу заводить любовниц и врать, врать, врать... «Работа у меня такая, вот почему домой вчера ночевать не пришел. „Пи-пи-пи... Московское время шесть часов“. О, слышишь – мне сигнал из Центра, дорогая, пора на задание! Чао...»

– Ну, поздно уже, не будем засиживаться! – встал из-за стола отец, даже в праздники соблюдающий режим.

Долго прощались в передней. Иван дал клятву, что придет на Новый год. Глеб и Георгий жали ему руку, хлопали по плечу.

– Марта, береги его! – строго напомнила мать.

– Да-да, конечно... – пробормотала Марта. Подхватила Ивана под ручку, и через минуту они уже стояли на темной, холодной улице.

– Отличные у тебя родители! – сказал Иван. – Напоили, накормили... Такси?

– Спятил?! Разоришься – в Грязищи на такси ездить...

В метро Марта задремала, положив Ивану голову на плечо. Очнулась только на конечной:

– Ой, нам выходить...

Они вышли из вагона. Марта вдруг увидела знакомую фигуру – посреди зала стояла Стася. В своем зеленом пальто. Такая большая зеленая копна, сверху – маленькая голова в вязаной шапке, натянутой до густых, «брежневских» бровей... В руках – растрепанный том «Желтых страниц». Зеленое с желтым, очень веселенькое сочетание! Вот Стася и веселилась изо всех сил...

– Мужчина! Мужчина, не подскажете ли, как проехать на улицу Маши Порываевой?

Из «Желтых страниц» Стася черпала идеи. Названия улиц, предприятий, банков, баров и больниц... Стася была страшно общительная. Ну не могла же она просто так, без повода, приставать к людям? А справочники она брала из

телефонных будок и иногда даже клала их обратно на место.
– Что? Куда? Ой... – Мужчина, заглянув Стасе в глаза, шарахнулся к эскалатору.

– Мужчина, мужчина, ну куда же вы? Помогите инвалиду! Я инвалид, между прочим...

Не подействовало – мужчина лихо побежал по эскалатору вверх. Стася немедленно переключилась на пожилую тетку с сумкой-тележкой. Завязалась беседа...

– Это же твоя соседка! – воскликнул Иван. – Эта, в зеленом, как ее... Стася! Что она тут делает?

– Ничего. Общается. У нее страшная жажда деятельности. Так она обычно на фабрике работает, конверты клеит, а в выходные и праздники ей скучно, – разъяснила Марта.

– Женщина, вы случайно не были в ресторане «Пятый Рим»? Как там кормят, хорошо? Не знаете? А то прямо спросить не у кого...

Тетка принялась объяснять Стасе, что по ресторанам она не ходит, поскольку у нее маленькая пенсия и трое внуков... А зять работает в налоговой и страшная сволочь! Вот зять по ресторанам и шляется, ирод, а ей, тетке, как ветерану труда, не до развлечений...

Стася радостно слушала тетку. Кивала, сияя черными, словно непроглядная полночь, глазами, шмыгала носом, шевелила бровями. С ней говорили!

– Стася! – строго сказала Марта.

– А? – та оглянулась.

– Стася, пора домой. – Марта потянула Стасю за рукав. Тетка с тележкой, отлученная от собеседницы, медленно поплыла на эскалаторе вверх, не без сожаления оглядываясь. Видимо, ей тоже хотелось излить душу.

– Так еще не поздно! – набычилась Стася.

– Пора! Метро сейчас закроют.

Втроем они тоже поднялись наверх. Маршрутки уже не ходили, к остановке подруливал последний рейсовый автобус.

– Бежим! Стася, ну скорее...

Иван подхватил Стасю за руку и энергично потащил за собой, пока Марта стояла на подножке, задерживая автобус.

Они были последними пассажирами. Они и еще две приличные дамы – те забрались в конец салона, приглушенно-возбужденно беседуя о каком-то «та-аком мужике!». Стася немедленно прибилась к дамам и влезла в их разговор. Марта да и Иван были Стасе неинтересны – они вроде как знакомые.

– Сколько ей лет? – с интересом спросил Иван, наблюдая за Стасей.

– Около сорока пяти, кажется.

– И... и это совсем не лечится?

– Нет.

– Как ты с ней живешь, не представляю...

– Она социально адаптированная. Все умеет, все знает. Иногда, правда, приходится напоминать – чайник, напри-

мер, с плиты снять, кран закрыть, воду спустить в туалете... Ее в дурдоме нет смысла все время держать. Так, забирают время от времени на профилактику... Изредка врачиха из психдиспансера заглядывает, проверяет, очень вредная тет-ка, как ее там... а, Светлана Евгеньевна!

– Женщина, ну чего вы к нам лезете! Неэтично чужие разговоры слушать... Автобус пустой, что вы к нам-то... – не выдержали, зашумели дамы в конце салона.

– Стася! Стася, иди сюда! – хриплым басом заорала Марта.

Ноль внимания.

– А вы ездили на Ваганьковское кладбище? Как там? Очень красиво? А к могиле Есенина ходили? А поехали туда завтра? У меня выходной... – От холода на кончике носа у Стаси повисла сопля, сверкая издалека, словно изумруд.

– Женщина, отстаньте!

– А чего вы орете на инвалида? Я инвалид, между прочим! Никакого уважения...

– Тебе ее жалко? – шепотом спросил Иван.

– Иногда, – честно ответила Марта. – Редко... В основном она прекрасно себя чувствует, веселится, носится везде... Рекламу по телевизору смотрит. А весной или в начале осени вдруг мрачнеет. Молчит, в глазах – жуткая тоска. Сидит, ничего не делает, телевизор забрасывает, грязью зарастает. Мне кажется, только тогда она догадывается, кто она и что с ней. Но ее быстренько запикивают в больницу и прочи-

щают там мозги. Возвращается она снова веселой и сильной. Ты не забудь ей костюм отдать!

– Да... Да, конечно, – рассеянно кивнул Иван.

Дома они были опять за двенадцать. Марта командирским голосом уснула Стасю спать.

Напоследок Марта с Иваном решили напиться чаю. Сидели за столом в комнате, друг напротив друга.

– А где мне спать? – шепотом спросил Иван. – Я к ней в комнату не пойду...

– Здесь, в углу, на матрасе ляжешь. А чего ты шепотом? Теперь Стасю из пушки не разбудишь... Она как нагуляется, так потом без задних ног дрыхнет!

– Спасибо, Марта. Ты меня очень выручаешь... Марта!

– Что?

– А почему ты – Марта? Хотел спросить твоих родителей, да забыл... Не наше какое-то имя.

– Я родилась в марте. Восьмого марта. Потому и Марта. Марфа лучше?

– Тоже неплохо...

– А вот есть такое мужское имя – Светозар... Смешно?

– Опять?.. – Иван помолчал, потом добавил неохотно: – Да как-то слишком пафосно. Непривычно. Эльфийское имя! Действительно, Светкой его, что ли, называют, этого Светозара?

Марта засмеялась. Алкоголь почти уже выветрился из ее головы, остались лишь какая-то бесшабашная тоска и бес-

страшие.

Иван тоже засмеялся и провел ладонью по ее буйным волосам.

– Ты меня спас... сегодня, – она напомнила о дорожном происшествии. – После праздников займись машиной. Хотя... Вряд ли на ней теперь можно будет ездить.

– А ты нас сегодня чуть не погубила... Ну кто же так ездит! Нет уж, хорошо, что ты машину разбила. Спокойнее... Ты опасная женщина.

– Дурак!

Он перехватил ее руку, притянул к себе.

– Что ты делаешь? Теперь необязательно в жениха играть... – с вызовом сказала она.

– Я помню. – Он закрыл глаза и поцеловал ее.

«Почему так? – подумала Марта, не в силах пошевелиться. – Наверное, потому, что если мужчину и женщину запереть в одной комнате, то обязательно что-нибудь между ними произойдет. Даже если у этой женщины 41-й размер ноги и рост метр восемьдесят. Даже если мужчина прохвост и лгун. На одну ночь можно потерять голову и забыть обо всем. Это природа. Инстинкт. Без него человечество давным-давно бы вымерло».

Последняя э-э... ночь любви была у Марты очень давно. Больше пяти лет назад. С Олегом. Марта еще не знала тогда, что ее ждет...

Это было так давно, что теперь желание оказалось сильнее

моральных принципов, вложенных в ее голову родителями. То есть Марта, может быть, и устояла бы перед искушением – если бы успела оттолкнуть Ивана.

Но она не успела. Он обнял ее, и, очутившись в тесном кольце его рук, прижавшись к нему, Марта оказалась совершенно дезориентированной (как вычурно определил бы завхоз Сан Саныч).

Возможно, это было даже не желание. (Мать с отцом выжили бы жестко – похоть.)

А что?

Наверное, единственная возможность почувствовать себя женщиной. А как иначе вспомнишь, что ты женщина, если не в руках мужчины?..

Странные ощущения. То есть ощущения, которые и должны быть после пяти лет воздержания, но вместе с тем шли они не только из тела, а откуда-то... из души, что ли? Внезапный и неконтролируемый взрыв радости и счастья. Нет, нет, не то, но что-то такое близкое к ним... Ощущение жизни? Эйфория – когда человек умирал и вот чудом спасся! Всю жизнь бродил в темноте, слепым, и после операции на глазах впервые увидел солнце – теплое, яркое, ласковое. Или еще: плыл на корабле и открыл новый континент, оставив свое имя в веках...

В иной ситуации Марта никогда бы не обратила внимания на Ивана. Не ее типаж... Она ценила только мужчин скромных и серьезных. Таких, как Олег, например (хотя и

тот умудрился ее предать). Внешность для Марты не имела никакого значения. Абсолютно никакого. Лишь бы человек был хороший (как говорили родители). Бабники, лгуны, ле-туны и те, кого еще называют мачо, плейбои, для нее не существовали. Она не представляла, как их вообще можно любить – однозначно же ясно, что такие типы – обманут!

Но сейчас Марте было глубоко наплевать, обманут ее или нет. Конечно, обманут, ну и что? Она заранее знала, чем все закончится (а ничем, Иван наутро выпьет еще литр чаю и убежит по своим шпионским делам).

Просто она в первый раз приняла условия игры. Согласилась с правилами. Обманет, да... Обнимет, а потом кинет. Ну и что, волосы на себе теперь рвать? Да, Иван убежит в скором времени – и слава богу, что убежит.

Ведь сам вчера предупредил – не способен к длительным привязанностям... Это честный обман – всего на одну ночь. Хуже, когда голову годами морочат, а то и всю жизнь!

...Марта опустила голову на подушку. Глаз она не закрывала.

Батареи едва грели комнату.

– Ты смешной! – Она уже не следила за своим голосом, за его модуляциями. Говорила, как могла. Отпустила себя на свободу!

– Да? И чем же это я смешной? – Он склонился над Мартой, поцеловал ее. Его волосы щекотали ей щеки.

Она не ответила, провела ладонью по его плечам. У Ива-

на оказалась вполне спортивная фигура... Плотные плечи, каменные бицепсы. Ее ладоням так легко скользить по его сухой, гладкой, плотной коже...

– Нет, ты говори, говори... – Колючей щекой он осторожно провел по ее щеке.

– Что? Почему ты – смешной? – засмеялась она, увора-чиваясь. У него на шее на обычном шнурке висел крестик, и этот крестик сейчас касался ее груди – того места, где у нее предполагалось сердце. Сердце и крест. Красиво и даже как будто символично. Но – обманчиво. Ивану не нужно ее сердце. И перед богом он никогда не назовет ее своей.

– Что угодно говори. – По его губам пробежала легкая су-дорога. – Твой голос...

– Что – мой голос?

– Он такой... он как будто гладит меня, знаешь? Как твои руки...

– Ты извращенец. У меня голос, как у старого пропойцы!

– Глупая... У тебя самый женский голос на свете. И от него у меня все дрожит внутри.

– А чего раньше критиковал?

– Я не критиковал! И вообще... он у тебя только сейчас по-настоящему проявился... Ты эту негритянку слышала? Она оперные арии еще поет... Оперная дива... Сейчас она старая, конечно, а вот раньше... Я слышал ее ранешние за-писи!

– Ранешние записи... – передразнила она. – Не знаю я ни-

каких негритянок!

– Ты без одежды другая.

– Какая?

– Как будто не толстая... Обычно без одежды женщины толще кажутся, а у тебя – все наоборот.

– Ой, это что, комплимент? – с иронией воскликнула она.

– Нет, это правда.

– Ты все врешь!

Он обнял ее, прижался так сильно, как только мог. Если бы Ксюшу так кто обнял (подмял!), то она сразу бы сдохла... умерла то есть.

– Ты красивая.

– Ты такой врун, врешь и не краснеешь... Иван! Ты меня задушишь! – захохотала она.

– Марта. Значит, ты – Марта... Ты – мартовская. Ты такая холодная... Замерзла? – Он прижался пылающей колючей щекой к ее груди. – Я буду тебя греть, ладно? Где холодно?

– Здесь, здесь и здесь, – показала она. – Да, и еще здесь!

Он немедленно принялся за дело. Иван согревал Марту с таким азартом, что скоро она перестала соображать, что говорит и что Иван ей отвечает. Их голоса слились и напомнили песню на иностранном языке. Красиво, слов не разобрать, но это не имеет никакого значения – поскольку слушателям и так ясно, что эта песня о любви...

Еще никогда Марта не чувствовала себя так и легко и свободно. Может быть, именно потому, что она настроила себя

на то, что происходящее – неправда? Приятная, ни к чему не обязывающая ложь... Песня на одну ночь. Ария! Каста дива. Да точно. Ка-аа-аста ди-ива-ааа...

* * *

Избитая поговорка – «я себя на помойке нашел (нашла)» – имела в случае Ивана буквальный смысл.

Его и в самом деле нашли на помойке, завернутым в старое одеяло. Отнесли в дом малютки и нарекли самым простым именем – Иван. Иван Иванович Макаров. Просто и со вкусом.

Кто был его отец, кто мать – неизвестно. Пусть те, кто сейчас читает эту историю, даже не надеются на то, что автор когда-нибудь приоткроет завесу тайны близкого родственника Ивана Макарова... Нет. Не дождетесь.

Никакого натужного драматизма, никаких латиноамериканских мыльных страстей, вызывающих непроизвольное слезотечение... только суровая правда жизни!

Итак, Иван Макаров был сиротой, выброшенным на помойку. Он сам с самого начала знал, что никто и никогда не явится к нему, не обнимет, не назовет его сыночком.

Даже больше того – Ивана Макарова совершенно не напрягало его сиротство. Он был свободен. Его никто не мог обидеть. Предать. Оскорбить. Ведь ранят слова и поступки только близких тебе людей. А что чужие там творят-гово-

рят... Да пусть что хочешь говорят, обижают, толкают – до лампочки. Чужие же!

Как и у всех сирот, у Ивана Макарова было несладкое детство и тяжелая юность – в казенных-то учреждениях, среди чужих. Но ничего, выжил. Характер у него сложился легкий, веселый – на него мало кто мог злиться, да и у него не было желания кого-то злить. Ему хватало малого – самой простой одежды, самой простой еды, а от просмотра мультиков он вообще становился счастливым.

Иной ребенок, выросший в холе и неге, среди заботливой родни, и то может не быть таким счастливым!

Иван Макаров легко засыпал (никакой шум ему не был помехой) и легко просыпался. Быстро собирался, не беря с собой ничего лишнего. Никогда не носил шарфов и перчаток, даже в зрелые годы, когда появилась возможность одеться более-менее прилично. Да, интересный факт – в его жизни не было ни одного зонтика. *Ни одного!*

Из дорогих вещей за всю жизнь он приобрел только наручные часы.

Иван никогда не простужался и без проблем переваривал любую пищу. Гурманом не был. Предпочитал на ужин пакет кефира и булку. На завтрак – яблоко и бутерброд с сыром. Обед, разумеется, всегда казенный... В девушках ценил доступность и неприхотливость. Номер телефона старался не давать. Вообще, для личных звонков у Ивана был отдельный мобильник, с SIM-картой, зарегистрированной на чужое

имя.

...Как Иван попал в службу безопасности? В органы искали подходящих людей среди молодых-здоровых юношей. Наткнулись на Ивана. Вроде подходящий...

Прошел кучу тестов. Оказался не просто подходящим, а практически идеальным для такой службы!

Очень сообразительным к тому же...

Ивана взяли в Академию службы безопасности. На фасаде этого заведения, между прочим, даже таблички никакой не было.

Попасть в академию можно только по спецпропуску, а большинство студенческих конспектов и учебников имело гриф «Секретно». Их и не выносили из здания никогда... Окон на фасаде не было, все они выходили только во внутренний двор.

Об академии, конечно, знали – и те, кто жил по соседству, и иностранные спецслужбы, разумеется. Вот она стоит – без окон и табличек. Но что там внутри – секрет.

Учили там основательно, халявщиков не было.

Изучали экономику и философию, психологию и информатику. В общем, многое, даже автодело...

Плюс к тому учили тем дисциплинам, которым в обычном вузе не научат, – спецтехнике, информационной безопасности, шифровке и дешифровке секретной документации, рукопашному бою, стрельбе – и даже обкатывали как-то танки на полигоне...

Ивана определили на отделение, которое готовило будущих специалистов по экономической безопасности.

Термин «экономическая безопасность страны» появился на Западе в 70-е годы прошлого века. Что это такое, экономическая безопасность? Говоря языком справочников – это общенациональный комплекс мер, направленных на развитие экономики страны и противодействие внешним и внутренним угрозам.

В России об экономической безопасности задумались позже, в середине 90-х. Так что Иван Макаров стал одним из первых студентов этого отделения академии...

Что старались вложить ему в голову? То, что страна не должна зависеть от иностранных займов, ее товары должны быть конкурентоспособными. Экономическая разведка – очень важная вещь!

Ивана Макарова натаскивали, как добывать сведения о динамике мировых экспортно-импортных процессов. Как защитить собственный рынок от иностранных конкурентов.

Разведка, равно как и контрразведка (по сути, эти два понятия – близнецы, любой разведчик – он и контрразведчик одновременно), обязана выявлять отрицательные экономические тенденции. Разведчик должен узнавать о готовящихся акциях иностранных правительств в области внешней торговли. Снабжать необходимой информацией отечественные делегации на торговых переговорах. Противодействовать экономическому шпионажу других стран и т. д. и т. п.

Иван работал в особом отделе, добывал документы, изучал их, анализировал – под руководством полковника Лосева. Занятие интересное, небанальное. Особых ЧП не случилось. И это значило только одно – работали хорошо, без ошибок.

Но однажды это закончилось.

Они собирали материал о Яне Горском. Стало известно, что тот, возможно, нечист на руку. Полковник Лосев, руководитель отдела, направил небольшую группу в Росагроннадзор. Их туда внедрили под видом электриков... Очень удобно. Лампочка перегорела – пожалуйста, электрик в любой кабинет войдет.

И вот группу решили убрать. Кто? Горский или его покровители – уже неважно. Машину, в которой сидели Иван и его товарищи, начинили взрывчаткой...

Ивана спасло от смерти только чудо. Он спасся. Но это чудо играло против него. Лосев, конечно, не поверит, что Иван оказался «кротом», Лосев – мировой дядька, но над Лосевым свое начальство, а для начальства важны только факты. Почему Иван выжил, а Леха с Поповым погибли? Выходит, ненадежный он спецгент, этот Иван Макаров, вопреки всем тестам и проверкам...

В конторе, конечно, уже знают, что Иван жив. Но Горский – еще нет, возможно. И этим надо воспользоваться!

Если Иван выполнит свою работу до конца и докажет связи Горского с западным концерном, то Иван – на коне. Если

нет – то он опять на помойке...

Во-первых, Ивана тогда выгонят из отдела. Из органов то есть... Он окажется обычным, рядовым гражданином. Не спецагентом, а просто Иваном Ивановичем Макаровым. Какая скука...

Куда пойти?

Казалось бы, ответ прост – в какую-нибудь крупную организацию, корпорацию, банк – на большой оклад, в отдел экономической безопасности (с руками оторвут такого спеца, чтобы от конкурентов обороняться)! Ан нет. С подмоченной репутацией – никогда. Будут же все проверять (в крупной-то организации – обязательно!) и узнают, что выгнан с треском из органов и т. д. и т. п. «Кротов», предателей – никуда не берут. Их место – на обочине жизни.

Поэтому из пункта первого плавно вытекал пункт второй.

Рядовой гражданин Иван Макаров имел право быть только обычным мелким клерком, и никем больше. Его могли взять в какую-нибудь мелкую фирмочку, например торговать оргтехникой. Или рекламировать средство от геморроя... Словом, переливать из пустого в порожнее с девяти до шести и тупо напиваться на корпоративных вечеринках.

Помните фильм Гайдая «Бриллиантовая рука»? Ночной кошмар героя Андрея Миронова? «Чтоб ты жил на одну зарплату!»

Так вот, кошмар Ивана Макарова заключался в следующем проклятии – «Чтоб ты клерком в офисе работал!».

Уж лучше умереть, чем стать клерком. В офисе. Где надо лебезить перед клиентами и лизать задницу шефу. А еще, не дай бог, придется жениться... Что еще мелкому клерку делать? После работы спешить домой, к жене и детям. А жена наверняка заставит дачу строить, а в отпуск потащит всех в Турцию... Это ужасно – быть муравьем в многомиллионном муравейнике. Быть менеджером.

Менеджером...

Уж лучше умереть!..

* * *

Наверное, вчерашняя авария все-таки подействовала на Марту... Шок. У нее был шок, и она собой не владела. А иначе чем объяснить то, что она переспала с практически незнакомым мужчиной и даже умудрилась получить от этого удовольствие?! Шок плюс алкоголь – получается сплошная порнография.

Марта попыталась вспомнить, что они вчера делали с Иваном.

Они с Иваном вчера вытворяли такое...

Не в силах сдержать муки совести, Марта тихонечко завала под одеялом.

– Эй, ты чего? – рядом сонно заворочался Иван.

– Мне плохо! – Марта в ярости забила пятками по кровати.

Несколько мгновений Иван с изумлением смотрел на нее, потом сграбастал в объятия. Уткнулся теплым, окончательно превратившимся в наждак лицом ей в шею.

– Отстань!

– Не отстану.

– Отстань!!! – От ее низкого голоса как будто даже трещины пошли по потолку.

– Не отстану... – Он прижал ее к себе. Его руки...

– Опять?!

– А что такого?..

Опять это солнце. Опять эти невиданные дали. Опять она чувствует себя воскресшей из мертвых. Опять на бис поют дуэтом – о дивной, неземной любви...

Потом Иван с Мартой уснули. Потом – Стася, выбегая из квартиры, хрястнула входной дверью – открыли глаза одновременно.

– Что?

– Это Стася... Ушла.

– А...

Пауза. Его горячие ладони.

– Что ты делаешь? – в ужасе спросила Марта.

– Будто ты не видишь.

– Опять?!

– А что такого?..

За обоими стояли призраки. Смерти и разрушения. Он чуть не погиб, она чуть не погибла. Причем Иван – дважды.

Когда следил за Горским и когда ехал в машине с Мартой.

«Это, наверное, тоже инстинкт. Закон природы. Близость смерти всегда напоминает о том, что надо размножаться...» Марта попыталась оправдать любовный энтузиазм Ивана.

...В полдень Марта сварила диетический суп – тот самый, из пакета. Больше ничего не было. Они с Иваном съели суп, и как-то так, случайно, все повторилось снова – очередная ария на бис.

Чем дальше, тем хуже.

Они не могли пройти мимо друг друга. Не могли не смотреть, не прикасаться... Такой роскоши Марта не знала даже в свой медовый месяц с Олегом, а тогда, между прочим, она была безумно влюблена в своего мужа... Сколько раз они с Иваном занимались любовью?.. Со счета можно сбиться.

– Ты красивая.

– Ты говорил.

– А я еще раз хочу сказать! Не веришь? Ты правда красивая. Такая, знаешь, звериная красота... – Они лежали на кровати, уже совершенно без сил. Иван провел ладонью по ее талии, бедру. – Изгибы и все такое... – поцеловал ее, отстранился, вглядываясь. – Лицо еще!

– А что лицо?

– Лицо необыкновенное.

– Тоже звериное? – засмеялась Марта.

– Да. Ну, то есть не совсем звериное, а... Как будто ты из прошлого.

– Старуха, что ли?

– Нет, нет, ты из древности. В древности были такие женщины. Хищные и чувственные. С гривой волос... С голосом, который... который как это... Чтобы звать, через горы и моря, в пещерах и подземельях... Чтобы мертвых будить!

Марта захохотала.

– Ты милый, – весело сказала она. – Ты со всеми своими женщинами был таким щедрым, а, Вань?

Он подумал мгновение и ответил:

– Да.

Марта тоже подумала и оттолкнула его. Не то чтобы она ревновала, но... Зачем, лежа в постели с одной женщиной, вспоминать о других?!

– А что я должен был ответить? – возмутился Иван. – Ах, дорогая, только с тобой мне так хорошо? В первый раз, на тридцать третьем году... Ты бы мне поверила?

– Нет. А тебе тридцать три?

– Да.

– Мне тридцать пять, – с вызовом произнесла она.

– Врешь.

– Нет, честно. Паспорт показать?

– Ты выглядишь моложе. Я думал, тебе и тридцати нет. Лет этак двадцать пять – двадцать семь.

– Врешь.

– Вот заладила! – Он сел, перебросил через себя ее ноги, стал целовать колени. – Ты опять холодная...

– Батарей-то почти не топят! – напомнила она.

– У тебя кожа как мрамор. Чистая-чистая и очень гладкая... – Он прижался щекой к ее коленям.

– Колючий!

– А ты – Марта. Ты мартовский снег под солнцем. Такой уже подтаявший, не рыхлый, а – спекшийся в лед. Гладкий. Но не ледяной, а прохладный. Представляешь? Подо льдом – земля, а из земли тянутся первые подснежники... Нежные-нежные. Ты – как цветы и снег. И земля. И солнце.

Они замерли, глядя друг на друга.

– Зачем ты это говоришь? – мрачно спросила Марта.

– Не знаю. Мне хочется говорить, вот и говорю. Первое, что в голову приходит... – пробормотал Иван. Улыбнулся, и на его щеках обозначились ямочки. Небритый мачо – соблазнительный и очаровательный. Развернутые плечи, всякие там бицепсы-трицепсы... Мужчина с картинки модного журнала, одним словом.

«Разве я его достойна? С моим-то ростом, с моим размером ноги... Нет. Он бабник, просто бабник... Добрый Казанова, от которого без ума все женщины. Он сам – солнышко, которое светит для всех. А я – толстая корова!» Марта положила ладонь себе на живот и вдруг обнаружила, что тот практически прилип к ее позвоночнику. Вот что значит интенсивная физическая нагрузка... И диетический суп!

Марте понравился собственный плоский живот. Однажды у нее уже был такой, когда она отравилась покупными пи-

рожками. Два дня ее тошнило, ну и прочее. Тогда она ощути-
мо сдулась. Правда, потом быстро наверстала упущенное...
С помощью пельменей, ну и прочего...

Теперь ей почему-то не хотелось наверстывать вес и нае-
даться. Гораздо приятнее быть такой – легкой. Чтобы глади-
ли, любовались, тыкались теплым носом... Быть скрипкой в
руках музыканта. Чтобы из нее извлекали эти дивные мело-
дии – еще и еще... Любовь – вкуснее еды.

С Олегом она об этом и не подозревала, а с Иваном – по-
няла. Чувство благодарности захлестнуло ее.

– Ты хороший... – Марта протянула руку, коснулась его
колючей щеки. – Спасибо.

– Пожалуйста! – удивленно ответил тот и поцеловал ее
пальцы. – Ух ты, какие у тебя руки... Запястья! И пальцы!
На них браслеты, кольца надо нацепить... И чтобы ногти с
лаком...

– Правда?

– Клянусь! Ты как-то это упускаешь... ну, в смысле ниче-
го не делаешь с руками. Я у женщин видел руки – либо как
сардельки, пухлые, надутые, либо жухлые, все в венах – даже
у молодых. А у тебя – идеальные. Честное слово!

– Не клянись... Зачем? Говори, пожалуйста, что хо-
чешь...

– Ты мне опять не веришь?

– Не знаю. Неважно... Я все равно тебе очень благодарна.
Ты уйдешь, а я буду тебя вспоминать. Иногда. Что ты был со

мной – такой добрый и хороший.

– Что ты... – Он потянулся, лег с ней рядом, обнял. – Я не уйду сегодня.

– Ну, завтра уйдешь, или когда...

– И завтра я не уйду.

– Это как? – приятно удивилась Марта.

– Так. А послезавтра ты должна сходить в одно место. Мне нужна твоя помощь.

– Какая помощь? – насторожилась Марта.

– Ерунда... Сходить на банкет в Дом предпринимателя и понаблюдать за Горским.

– Чего-о? – во всю мощь своего голоса спросила Марта. – Куда сходить? За кем понаблюдать? Иван!!!

– Слушаю, – кротко отозвался тот.

– Ты меня что, вербуешь? Или как это у вас, спец-агентов, называется...

– Глупости какие. «Вербуешь»... Просто понаблюдаешь за Горским. Я на тот вечер попасть не смогу. А ты его знаешь. Поболтаешь, дурочкой прикинешься... Он же не знает, что ты о нем все знаешь.

– Что – все?

– Что он предатель.

– И кого он предал? – обалдело спросила Марта.

– Страну.

Она зашлась то ли в кашле, то ли в хохоте.

– Марта... Марта!

– Ой, не могу... Точно, «Люди в черном»... Джеймс Бонд!
Штирлиц...

– Марта, я не шучу.

Марта успокоилась не скоро. Иван терпеливо ждал, пока ее перестанет трясти, потом начал спокойно и просто:

– Росагронадзору правительство поручило закупить зерно для госрезерва. Горский *сфальсифицировал* оценку качества зерна, представленного АПКР...

– Кем?

– Ассоциацией Поддержки Крестьян России.

– Я не понимаю...

– Короче: он как ведущий эксперт представил отчет, что наше, отечественное зерно – говно.

– Правда?

– Нет!! Я же говорю: Горский *сфальсифицировал* результаты оценки нашего зерна! А на самом деле оно хорошее. Даже очень хорошее.

– И что? – с интересом спросила Марта.

– А то, что зерно в госрезерве все равно должно быть. Если наше купить нельзя, то... подумай!

– Не знаю...

– ...То придется закупать зерно за границей. Наши фермеры – в полной заднице, сельское хозяйство окончательно разваливается. Забугорные продавцы – жируют, Горский – получает тугрики.

– Взятку?

– Ну, типа того. Откат. Поняла?

– Да.

– Ты мне поможешь? – с надеждой спросил Иван.

– Да. То есть нет! – взвилась Марта. – Я же ничего не понимаю в шпионском деле, и вообще...

– Ты не волнуйся. Я все тебе скажу – куда идти, что делать... Ничего сложного! Ты просто должна узнать, с кем будет общаться Горский. Понимаешь, я пока не выяснил, кому именно он продался – «Эллиосу» или какой другой корпорации...

– «Эллиосу»?

– Да. Это та самая западная корпорация, которая продает зерно, с главным офисом в Швейцарии. Подозреваю, что на банкете Горский встретится с резидентом.

– О господи... С резидентом!

– Марта, тебе абсолютно ничего не грозит!

Вот она, расплата. Ничего не бывает просто так. Иван ей – любовные ласки и нежные речи, она ему – информацию. Справедливо? Учитывая, что никто и никогда так не превозносил Марту, как Иван, – вполне справедливо. Она ему должна. Она же честный человек...

– Я не боюсь, – надменно произнесла Марта. – И я помогу тебе.

Иван потянулся к ней с поцелуем.

– Не надо... Все, хватит, – отстранилась она.

Иван вытаращил глаза:

– Ты что?..

– Я говорю: я и так согласна. Без поцелуев. Горский – сволочь. Страну надо спасать. Точка. Ты мне уже достаточно заплатил...

– Это не плата, это я от себя...

– Ладно-ладно! – Она упорно отпихивала его. – Я догадалась, почему ты так усердно меня э-э... окучивал.

– Марта!

Она вскочила, накинула халат, стала ходить по комнате туда-сюда:

– Банкет в Доме предпринимателя... А, это банкет в честь праздника! Седьмого. Да, слышала... Но туда пускают только по приглашениям!

– У меня есть приглашение, – сказал Иван.

– Откуда?

– Взял. У Карякиной.

– Это которая тоже специалист-эксперт?

– Ага...

– Она тебе сама дала?

– Нет. Я без спросу взял. Тянул провода у нее в кабинете, ну и приглашение заодно стянул... Я же у вас электриком числился!

– Да, точно, – Марта снова села на кровать.

– Приглашение не именное, так что ты совершенно спокойно попадешь на этот банкет!

– А меня точно на него пустят?

– Точно! Главное, ты должна это... вскружить Горскому голову.

– Я должна переспать с Яном? – Марта была шокирована.

– Да ну... Не пори чушь! – возмутился Иван. – Тебе просто надо быть все время поблизости от Горского. А как этого добиться? Только очаровав его!

Марта задумалась. Потом произнесла с тоскливой раздражительностью:

– Нет, ничего не получится... Если я за столько времени не могла очаровать Яна, то с какой стати он станет волочиться за мной на этом вечере? Он, конечно, неплохо ко мне относится, машину мне свою продал и все такое... Но я не в его вкусе!

– Ты в его вкусе, – упрямо возразил Иван.

– Здравсте!..

– А ты вспомни, какие женщины ему нравятся.

– Тут и вспоминать нечего. У него был короткий роман с Якиной. Потрясающая красотка... За этой еще волочился, фамилию ее забыла... Мы ее между собой Памелой Андерсон зовем! И вообще, я же сама, своими собственными глазами, наблюдала за Яном – он в восторге только от тех, кого называют роскошными женщинами. А разве я – такая?

– Да, – кивнул Иван.

– Спасибо тебе, милый, за очередной комплимент, но, по-моему, ты бредишь... И перестань меня щупать! – Она опять оттолкнула его руки. – Ты неразборчивый, а вот Ян – очень

даже...

– Покажи, что у тебя в гардеробе.

– Да пожалуйста! – Она вскочила, распахнула шкаф. – Мой парадный наряд, кстати, ты видел. У Стаськи напрокат больше ничего не возьмешь... – съязвила она.

– Деньги есть? – Иван пробежал взглядом по вешалкам, вздохнул.

– В смысле? – опешила Марта. – Ну так, немного...

– У меня с собой еще тыщ десять. Мало... – Иван задумался на мгновение, а потом улыбнулся, засияв всеми своими ямочками: – Я часы заложу... – Он потряс перед Мартой рукой с часами на запястье.

– Зачем?

– На эти деньги мы приведем тебя в божеский вид.

– Это невозможно.

– Почему?

– Невозможно, и все тут!

– Пожалуйста... Давай попробуем, – мягко произнес он.

– Ладно. Ладно... – усмехнулась она недоверчиво. – Если тебе собственных часов не жалко, то тогда конечно... И перестань меня щупать!

– Я не понимаю, чего такого...

Марта отошла к окну, потерла лоб. Вопрос о деньгах оказался для нее болезненным. Олег был до сих пор ей должен.

Как уже упоминалось, бывший муж лишил ее квартиры. Умудрился прописать туда Ксюшу, Светозара и еще каких-то

родственников. У Марты оставалась небольшая доля от жилплощади, но и ее Олег не отдал. «Небольшая доля» была для Олега, простого бухгалтера, гигантской суммой. Он написал расписку, обещав Марте вернуть деньги потом.

Марта съехала с квартиры, переселилась в Грязищи на последние средства (не жить же рядом с Ксюшей!), но до сих пор Олег долг не возвратил.

– Короче, я сейчас уйду, вернусь позже... – Иван уже одевался. – А завтра будем приводить нас в порядок.

– Меня, ты хочешь сказать...

– Да, тебя! Ведь это, понимаешь, вопрос государственной важности!

Марта не выдержала, расхохоталась. Но гнев на милость не сменила.

В эту ночь Иван спал на матрасе в углу.

* * *

Ранним утром они поехали в центр Москвы.

Обошли кучу магазинов без всякого результата. Либо дорого (никаких денег не хватило бы), либо – «не шикарно», как выразился Иван. И еще с размерами проблема...

Иван скоро выдохся – он не ожидал, что хождение по магазинам окажется столь мучительным («Нас такому в академии не учили, а надо бы!»). Марта тоже поскучилась.

Но потом на нее вдруг напала какая-то злость – это же она

совсем пропащая, что ли?..

Наконец в одном торговом центре обнаружилась более-менее приличная марка – там продавали вещи для женщин разных ростов. Невысоких, среднего роста и высокого. Лонг, шорт, медиум... Лонг. Отлично! И размер был ее – XL. Цены не особо кусались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.